

Соколов Олег

лабиринты времени

12+

Олег Борисович Соколов

Лабиринты времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684015

SelfPub; 2019

Аннотация

В своем авантюрном романе Олег Соколов приоткрывает завесу над тайнами истории, предлагая читателю увлекательное путешествие по одесским катакомбам, лесам первобытных времен, казацким станицам. Мир, предстающий перед читателем, сплетен из мифов, сказаний древности, интереснейших исторических документов и захватывающих историй о похождениях героев разных веков, начиная с древних времен и до наших дней.

Содержание

Пролог	5
Собрание	26
Книга Еноха	56
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Последнее прости моей любимой Одессе.

Пролог

Тайна сопровождала меня с раннего детства, приходя по ночам сказкой с яркими картинками событий прошедших эпох. Взрослые создали тайну: по-разному описывая события истории и при этом споря между собой о правдивости именно ими рассказанного; меняя местами даты и видоизменяя героев; изображая по-своему цели и задачи, которые эти герои ставили перед собой. Создав таким образом загадку, в мастерски написанных книгах с разным содержанием об одном и том же событии, а значит дающим возможность либо выбрать одну из истин, описанных в литературе, для себя, либо дойти, доплыть, доползти к ней самостоятельно, взрослые игры убедили меня, что книги не помогают раскрытию тайны, а лишь запутывают, ставя новые вопросы, на которые можно ответить, пускаясь в путешествия под землю или на дно моря.

Писатели – это большие выдумщики по части игры в прятки, в своих произведениях они преподносят каждый свою версию истории, как последнюю истину, не терпящую сомнений или, тем паче, несогласия. Крупицы истории, словно контрабанда, спрятаны между строчек исторических романов. Поди-попробуй разберись в этом нагромождении разной, порой прямо противоположной, правды. Если хочешь спрятать истину, скрывай ее между тысячами ложных истин;

если хочешь спрятать книгу, поставь ее на книжную полку; если хочешь контрабандой вывезти редкую марку, приклей ее на конверт и пошли по почте. Проворные и смелые до безрассудства действия мастеров наводят тень на плетень приводили меня к неудачам в игре, не давая даже приблизиться к, хотя бы отдаленно, верной дороге, что ведет к разгадке тайны, хотя я чувствовал и, наверное, видел ее, как путник в пустыне видит мираж и стремится к нему, но, добравшись, убеждается, что стоит только протянуть руки к миражу, как он растворяется в воздухе. Я ненавижу неудачи: в моей голове начинают бродить грозовые облака, а тело рвется на свободу, за пределы душного города – в море или под землю, в катакомбы.

Узнать, найти и обладать тайной – вот к чему я стремился. Все мои поступки были направлены к этой странной и, для меня, интересной игре. Все, что было под запретом, автоматически становилось объектом изучений и притягивало меня с невероятной силой. Счастлив тот, кто смог еще в детстве распознать этот мираж и, не поддавшись ему, найти свою истинную, а не ложную дорогу в жизни. Тайна захватывает целиком и неожиданно, кажется, случайно, даже против твоей воли, но от искушения узнать, нельзя убежать или спрятаться. Меня захватывает азарт вероятного открытия, и я, словно борзая, иду по следу тайны. Страсть гонит меня в пещеры, толкает под землю в катакомбы, уводит в открытое море и бросает на дно.

Однажды заразившись тайной, ты уже никогда не сможешь избавиться от этой болезни. В тебя поселится жажда узнать: о себе; о погибших цивилизациях; об истории своего края и народа; о кладах, похороненных в безднах морских глубин или зарытых в землю; о скрытых знаниях, спрятанных в недрах человеческой памяти, запачканных человеческой глупостью и невежеством. Такая жажда не даст спокойно и тихо жить, пока не утолишь ее: иссушающую силы, отнимающую здоровье и саму жизнь. Тайна требует найти и прочесть следы людей, исчезнувших навсегда из нашего бытия; понять их желания, проникнуть в душу тех людей, что жили многие тысячелетия назад; оживить их в своей памяти, увидев их лица, поняв их мысли, чувства и стремления, оценив поступки и услышав их голоса.

Мне всегда казалось, что у меня есть чутье, упорство и, надеюсь, рассудительность, но так казалось только мне, а мама, сестра и отец считали меня лоботрясом, фантазером с шилом в заднице, и к тому же с отвратительным характером. Я спорю с экскурсоводами в музеях, чем злю учителей и веселю ребят, спорю с учителями и с родителями. Мне все время некогда, мальчишество со своими проказами и забавами забирает время и не дает отдаться страсти, а тайна уже захватила меня и вытягивает на простор, на волю, ей тесно в рамках реального мира, в котором я вынужден жить. Иногда мне везет, когда я брожу по развалинам церквей или крепостей, а этих развалин у нас хватает, и нахожу ржавую монету или

пуговицу с забавным рисунком или, когда ползу по подземному туннелю и натываюсь в катакомбах на старинный подсвечник, фашистскую пряжку от ремня или наконечник для стрелы; когда на дне моря нахожу испанский дублон, камень с нацарапанным рисунком человекообразного существа – я захлебываюсь счастьем. Эти мгновения и есть мой жизненный пульс, остановись он – и я погибну. Но времени не хватает катастрофически: зимой, весной и осенью – школа, да и в холодину не полезешь под землю и не прыгнешь в море; домашние обязанности отбирают время; вот только летом, во время каникул, есть время для поисков и путешествий «во времени», и я оказываюсь захвачен манией тайны. Я вижу себя древним человеком – и переношусь со скоростью мысли в другой мир. Летом тоже не все так хорошо, как хотелось бы, от тайны меня отрывают шалости: часто всем двором пробираемся в сады за яблоками, черешней, орехами, устраиваем набеги на баштан за арбузами; дискотеки на море или поездки в деревню всей семьей. Но когда меня захватывает тайна, я бросаю всех и вся. Меня начинают разыскивать: по городу и под городом, в море и в прибрежных скалах, под землей или в лесу. Ищут родители, милиция, пограничники и, надо отдать должное, всегда ловят, находят, берут за шиворот и, отрывая от земли, трясут, наказывая за сумасбродство, за глупость, за переживания, за мучительные звонки по больницам и за тревожные бессонные часы. А я похож на этих рыбок в аквариуме, рядом с которым сейчас сижу

в милицейском участке города Одессы. Уже три часа ночи, но, может быть, нам все же удастся завтра уехать в деревню всей семьей, а сейчас мои родители вынуждены выслушивать нудную лекцию о воспитании подростков от милиционера. Рыбки с выпученными глазами и открытыми ртами следят за моими пальцами, которыми я барабаню по стеклу и удивляются, почему я это делаю.

– Папаша, посмотрите на вашего сынка. И шо вы видите? – спрашивает милиционер отца и косится в мою сторону. Отец молчит, и милиционер делает намек: – Мне есть еще пару слов к вам...

– Он же босяк... И шо мне прикажете делать? – отвечает отец, выходя за милиционером в коридор.

– Возьмите – и не спорьте, – доносится голос матери.

Милиционер улыбается, берет сверток и, разрывая протокол о задержании, говорит:

– Береги тухэс (зад), шпана.

Мы уходим. И так каждый раз, когда меня вытаскивают из моря пограничники, вытягивают за ноги из земляных нор и катакомб милиционеры. Отец уже не злится, он просто удивляется: «Шо вам, в этих катакомбах медом намазано? Кудой вы лазите?».

А мы лазим по руинам заброшенных крепостей, крадемся по туннелям подземных лабиринтов, уходим ночью в море на плотках и на шлюпках. Тайна манит, не дает успокоиться и снится по ночам; тайна дарит надежду: ты сможешь открыть,

сможешь найти и сможешь узнать то, о чем до тебя никто даже и не подозревал.

Большинство людей не знает своей родословной, ну хотя бы на четыре, пять поколений назад. Сколько человек интересуется жизнью прапрадедов? Любители генеалогии могут проследить свою родословную на несколько сот лет, если, конечно, им не сокрут архивные документы и другие исторические записи. В недавнем прошлом, еще в двадцатых годах прошлого столетия, каких-нибудь девяносто лет назад, люди, строящие светлое будущее, сжигали церковные книги, а это был единственный документ, где велись записи о рождении и смерти в Российской империи. Гражданская война калечила жизни, уничтожала историю – и победившие лишали прожитой судьбы как умерших, так и выживших.

Я с детства помню рассказы бабушки о своем муже, каким он был человеком: интеллигентном, молодом, красивом и любящем свою Родину, с верой в царя и отечество. Дедушка воевал в Первую Мировую войну. Пытался спасти разворованную и униженную предательством большевиков Родину в Гражданскую войну. Он выжил в боях и в тифозных бараках, а когда по средам и пятницам чекисты стали расстреливать дам, бывших господ и офицеров, а то и просто образованных, ему пришлось бежать из собственного дома.

История моей семьи – это трагедия страны, и она воспитывала меня, терзала и одновременно придавала сил. Ведь эта история и есть я. Все мои прадедушки: погибшие и

выжившие, прошедшие через войны двадцатого столетия, сквозь лагерь смерти Гитлера и Сталина – все они хотели и сделали все, чтобы на свет появился я.

Понимание правильности произошедшего нам начинают объяснять с раннего детства. Гордись героями и стыдись предателей, врагов, если такие были в твоём роду. Мы замалчивали, врани, но как хотелось гордиться дедом, окончившим Пажеский корпус в Санкт-Петербурге, воевавшего с доблестью против немцев в Первую Мировую войну и ими подкупленными ордами большевиков – в Гражданскую. Но, Господи, до чего же я счастлив в этой великой стране – СССР, и одному богу известно, как я люблю свою родину, а это значит, что гордый, смелый и честный человек, которым был для меня мой дед – враг, ведь он воевал против того, что мне так дорого. Как обрести мир с самим собой, ведь я хочу быть таким же, каким был он, восхищаюсь им и молчу? Сознание уже отравлено, и внутренняя борьба отнимает силы, искажает душу.

Санкт-Петербург, город-мечта. Я видел открытки с изображением дворцов и фонтанов, улиц и парков. Бабушка рассказывала о городе своей молодости. Экипажи и белые ночи, институт благородных девиц и трупы на Дворцовой площади и у Петропавловки в 1917-ом: гимназистов, девиц, детей и дам, но не мужчин, благородиев, – их очень мало осталось в городе, на войне все, вот и стреляли женщин да детей взбунтовавшиеся большевики по средам и пятницам. Бабушка по-

казывала мне фотографию, которую сохранила в железной коробке из-под леденцов 1915-го года выпуска. На ней уверенный, с гордо поднятой головой, улыбающийся офицер обнимает двух подростков, девочку и мальчика в форме кадета, и год – 1915. На обороте красивым и аккуратным почерком надпись: «УРА! Завтра я буду офицером, скорее бы на фронт». Бабушка рассказывает, как рвались на фронт мои прадед и дед. Как провожала их и не плакала, а гордилась таким смелым, благородным и красивым, уже мужем. «А в 1922-ом, – продолжала рассказывать бабушка, – я жила в подвале бывшего нашего дома на Петроградской стороне и боялась признаться, что грамотная, а стало быть из благородных, ведь расстреливали по средам и пятницам.

Муж постучал ко мне во дворницкую ночью: черный от голода, оборванный и вонючий пришел с фронта, но, слава богу, живой. Мы уехали из Питера утром. Ждать тут было нечего, ну разве что, расстрела, и мы бежали, угнав телегу с Сенного рынка. Никто бы не заподозрил в почерневшем от горя оборванце и замухрышке офицера Белой гвардии, а во мне – благородную девицу, смех, ей богу. Мы пристроились к обозу беженцев, который растянулся на десятки верст по дороге на юг. Телеги скрипели, еле двигаясь по военным дорогам бывшей империи. Мы проезжали разрушенные усадьбы и сгоревшие деревни, а дохлые лошади и трупы людей, разбросанные вдоль всего пути, стали нашими спутниками. Сосед, что ехал следом за нами – старик с кучей ма-

леньких ребятишек – рассказывал: «У сына детей много, а самого бандиты порубали. Заехал в село конник, сын по дороге идет, ну он его и спрашивает, этот вояка: «А ты за кого, за красных или за белых?». Сын смотрит на него и молчит, а всадник... кто он – и сам черт не знает. В форме, а без красной ленточки или еще чего-нибудь. Кавалерист этот сына саблей порубал у меня на глазах», – вздохнул дед.

Когда слух прошел, что в Крыму все кончено, и большевики постреляли всех сдавшихся в плен офицеров, все телеги развернулись от Тулы в сторону Белоруссии. Вскоре обоз распался, и мы в одиночестве продолжили путь. Сколько дней в пути, сколько верст проехали – не знаем, считать давно перестали, но вот, наконец, добрались до Днепра, а там банды грабили поезда и беженцев, проходящих по мосту через реку. Весь день и ночь прятались в прибрежном лесочке, а под утро смогли незаметно проскочить на ту сторону. Проехали Винницу, не останавливаясь в нашем имении, как и все в округе, превращенном в пепелище. Мы так и проехали его с отсутствующим взглядом. Вот доберемся в Одессу – может, получится там сесть на корабль в Турцию? Или спрятаться в катакомбах каких-то, хотя бы на время, а там видно будет. Говорят, в катакомбах этих бывших белогвардейцев много. Разговоры, разговоры... а мы молчим и едем. Весь путь от Санкт-Петербурга до Одессы был заполнен поисками еды. Хочется человеку кушать, иначе смерть, а где ж ту еду возьмешь, вокруг одни сожженные деревни? Правда, иногда

встречались уцелевшие дома и фермы, но все – брошенное, разграбленное и запущенное. Тем и кормились, что подбирали зерно, пропахшее гарью, ели дохлых лошадей, растерзанных коров и собак.

В Одессу смогли приехать на той самой телеге, что угнали с Сенного рынка, а телега с лошадьё – это работа и кров. Вот и Одесса! Мы ехали вдоль моря и казалось, что война осталась где-то там, в сыром и смертельно опасном Петрограде. В поселке, который мы проезжали, дома стояли мертвые и окна в них заколочены досками крест-накрест, а на улице – ни души.

– Милая, давай отдохнем и искупаемся в море, я чувствую себя просто ужасно.

– Согласна, сворачивай к морю. Нужно смыть с себя грязь и кровь, надеюсь, здесь начнем новую жизнь. Правь вон туда, в лесок.

– Парк у самого моря, честное слово.

– Вода то... как хорошо! Будто заново на свет божий родился, честное слово.

– Павел! К нам бежит какой-то мужик...

– Господин биндюжник, я до вас и с делом. Я не смотрю, мадам. – Не подходи! Я не биндюжник, а вы кто и что от меня нужно?

– Как не биндюжник?! А лошадь, а телега! Это ж не лошадь, а золото. Вы меня не слышите. У меня есть до вас работа и есть деньги, чтобы за эту работу заплатить, но нет ло-

шади и телеги, чтобы эту работу сделать.

– Вы предлагаете мне работу? Но вы меня совсем не знаете.

– Это такие мелочи, шо нет смысла на них смотреть. Так вы как?

– Я согласен, но...

– Вэй! Слава богу, вы правильно смотрите на мои слова.

– Мы только приехали и никогда раньше не были в этом городе, к тому же у нас нет с собой документов, под Винницей... – Я Веня.

– Я Павел, а там моя жена.

– Это я понял и то, шо жить вам негде, я тоже понял. Пава, сегодня за пол-Одессы не имеет ксив, жилья и работы. Вам таки повезло, как никому, а знаете, почему? А то ж! В городе нет лошадей, всех кобыл реквизировали белые и красные, а еще зеленые, а остальных, шо выжили, просто съели.

– Но документы? Без них разве можно официально устроиться на работу?

– Шо значит «официально» и шо значит «устроиться»? Вы уже приняты на работу и, поверьте Вене, официальной некуда. В Одессе советская власть, а мадам Феня нарисует вам мандат, и вы-таки поселитесь в доме мадам под ее приглядом. Шо вы и кто вы, меня не касается, а вот ваша лошадь и телега... Квартир свободных после войны осталось много, но не у всех есть деньги за них платить.

– А вы не боитесь говорить первому встречному, что нам

нарисуют мандаты? Моей жене ведь тоже нужен документ.

– Зато пол-Одессы знает, шо можно нарисовать и, я уверяю вас, знают даже, у кого можно нарисовать и за сколько, в том секрета нету. – Где же я буду работать?

– В порту, Пава, в порту, конечно, а где же еще? Придумайте себе фамилию, а Пава – это хорошее имя для Одессы.

Телегу нещадно трясло, так как ехали по мостовой, мощенной круглым камнем. Ехали медленно – и Павел рассматривал город: аккуратные и невысокие дома-шкатулки, все разного цвета, от теплого кофейного до холодного салатного. Павел вспомнил, где он видел такие же – ну, конечно, в Петрограде. Они очень похожи на дома, стоящие вдоль Английской набережной, тот же стиль архитектуры и те же приятные цвета. Вдоль улицы росли огромные и голые, без коры, платаны с широкими резными листьями. Они были выше домов и их ветки нависали над крышами. Город просто утопал в зелени.

Пушкинская площадь расположилась недалеко от моря – и запах чайной розы смешивался с легким морским бризом. Благородные дома, некогда особняки XVIII века аристократов и купцов Одессы, горделиво выстроились вдоль площади и одноименной улицы, сохранившей свое имя в хаосе революционной резни, отвергнув дух своего времени с его грязью, нищетой и бандитизмом. Этот дух, сталкиваясь с холодным высокомерием стройных фасадов, исчезал на Пушкинской и грохот военных оркестров понижался до шепота.

В садиках, расположившихся во дворах и вдоль тротуаров лениво и по-хозяйски, каштаны шевелили листьями, похожими на ладошки благородных дам в парчовых перчатках, а кроны деревьев подчеркивали гордую старину улицы. Даже стаям бродячих собак: облезлых, с торчащими во все стороны ребрами, которым выпала честь влачить свое существование в прекрасном городе, приходилось принохиваться друг к дружке и к фонарным столбам в какой-то особенной манере собачьего благородства и повышенного достоинства. Телега подкатила к железным воротам, закрывающим проезд во двор. Веня спрыгнул с телеги, подбежал к воротам и раскрыл их. Мы въехали во двор. В центре стояла, подбоченившись, высокая и дородная женщина, еще не старая, полная сил и по виду – хозяйка этого двора. Павлу она напомнила хозяйку трактира из почти забытой французской или итальянской оперетты.

– Мадам Феня, вы гляньте, шо за лошадь, шо за телега!

– Веня, теперь ты сможешь-таки перевести свою кефаль на рынок. А это хозяин экипажа?

– Да, мадам, познакомьтесь, Пава-биндюжник, я его уже взял на работу, но им нужна комната и мандаты. Я заплачу.

В центре двора стояло такое же огромное и голое дерево. Двор окружали стены домов довольно обшарпанного вида, в них зияли дыры с порванными краями штукатурки и тянулись лестницы. Они были: ржаво-железные и деревянные; короткие и прямые; крученые и длинные; поднимающиеся

под крыши домов или сползающие короткими гармошками в подвалы. По всему двору вразброс были вкопаны столбики с натянутыми между ними бельевыми веревками. Двор был окутан веревочной паутиной, ведь где было место во дворе, там и поставили столбик. Пройти по двору, не пригнув голову, было невозможно. Павел обвел взглядом двор: если бы не веревки, то он был бы просто огромный.

– Веня, ты хочешь забрать его в порт прямо сейчас?

– А как же, к вечеру мы перевезем весь груз на привоз.

– Тогда, ты же понимаешь...

– Прямо тут, все сто процентов оплаты за ксивы и комнату.

– И за еду. Надо же людям что-то поесть, или как? Давай, не жадничай, у тебя завтра будет хороший гешефт.

– Так-то завтра, мадам...

– А полотенце, а мыло, а керосин? Женщина должна умыться с дороги или где?

– Я вас умоляю, они уже помылись в море. Я сам видел.

– Молчи, паскудник. Женщина – не твоя торговка, ей уход нужен и уважительное обращение. Или у тебя глаза повылазили?

– Ша, Веня еще-таки может отличить женщину от базарной бабы. Держи, спекулянтка.

– Теперь спасибо, с тобой всегда приятно иметь дело. Я покажу вам комнату и к вечеру принесу мандаты, а вы располагайтесь.

Чтобы если покушать, то в кухню. Смотрите как. Идемте дальше. Здесь живет Соломон, он врач. Здесь Кацик, просто Кацик. Туалет во дворе. Колонка, иде льется вода, тоже во дворе. Ведро я дам на сегодня, а завтра, когда Веня расплатится с вашим мужем, купите себе. Веня расплатится, можете не сомневаться. Рукомойник вон, рядом с дверью на кухню. Жду вас вечером до себя в гости, с мужем, конечно. Просьба никому во дворе о себе не говорить, пока я не скажу вам, кто вы есть, просто молчите. Я пошла.

Додик с Региной и двумя детьми, Хилькой и Ефимкой, занимали огромную, чуть ли не двадцатиметровую, комнату. Кроме этого у них была передняя, которая могла служить кухней. У Додика был свой, отгороженный ширмой угол. Там стояли стол, стул, были смешная настольная лампа на курьей ножке и огромное увеличительное стекло в железной оправе. На полу выстроились баночки с чернилами, стакан с перьями для письма, карандаши, большие и маленькие пачки бумаги, ножи, ножницы и линейки с дырочками и без. Нормальному человеку пройти было очень трудно. Мадам Феня протиснулась и встала за спиной у Додика.

– Мадам Феня, я могу написать любую ксиву.

– Два мандата, Додик.

– Шо за печати? ЧК, портовые или волостные, например, Бурлачьей Балки?

– Портовые, их Веня уже взял до себя на работу.

– Так он биндюжник?

– Да.

– Повезло-таки Вене.

– Им тоже у меня будет не плохо.

– А шо за люди, офицер или пижон?

– Не, не пижон – это точно. Тебе шо за дело, пиши давай.

– А денежка?

– Додик, ты меня обижаешь или я не поняла?

– Ша, все пишу, мадам Феня. Бумага... посмотрите – это же снег, а не бумага. С серпом, якорем, баржой и мордой лошади, точно как портовой бланк Одесского общества биндюжников. Печать лучше, чем у оперуполномоченного. Так, родились они где?

– В Одессе, Додик, в Одессе.

– Так он таки пижон. Де была его лошадь и телега вчера, когда Веня рвал на себе последние волосы, а кефаль подыхала от жары?

– Додик, забудь на минуту об Вене, об этих людях – и не вспоминай о них больше никогда, а знай себе биндюжника и его жену.

– Мадам Феня, за эти хрустящие франки я готов забыть даже собственное имя и этот день.

– Выпей и забудь.

– Уже забыл. Но писать уже можно?

– Пиши, конечно, чего я сюда пришла, тебя послушать?

– Мадам, не торопите меня, все должно быть красиво, и ошибки, шо делает оперуполномоченный, нужно сделать так

же криво, как выводит его рука с похмелья.

– Ты гений, Додик.

– Моя профессиональная честь не позволила бы сделать мандат тяп-ляп. Мадам, вы так и будете стоять у меня над душой, шо памятник Ришелье?

– Я буду стоять у тебя над головой, пока ты не закончишь.

Додик задумался, но не мог подыскать причины и слова, чтобы очистить воздух над своей головой.

– Ладно, стойте. И можете позвать Соломона, Кацика, Рохлю с ее детьми и заодно... – Додик!

– Ша, все, молчу.

Буквы располагались одна за другой – такие красивые и такие похожие на то, как пишет оперуполномоченный, и ошибки просто чудо, как хороши. Печать и роспись, размашистая и с особым крючком. Не мандат, а картинка.

– Ах, Додик, какие у тебя золотые руки, – сказала мадам. Но тут же вспомнила, что перехваливать нельзя и перевела разговор на другую тему: – А шо, нет твоих детей и жены?

– Как нет, есть, просто они ушли в синагогу.

– А ты, когда-нибудь ходил в синагогу?

– Нет.

– Не веришь в Ягве?

– Верю, но Ягве не выполняет моих приказов – и мне приходится самому обеспечивать семью.

– Купи Регине и детям чего-нибудь.

– Заходите, мадам Феня, всегда рад помочь и подзарабо-

тать.

– Забудь о Паве, как его и не было.

– Недаром говорят, что мадам Феня может поднять покойника и заставить его идти за собственным гробом, чтобы лошади было легче.

Так мой муж, твой дед, стал биндюжником. Работал с восхода и до заката, а часто и сутками напролет. Рыба – основной товар на привозе, хлеб дороже золота был. Все рыбу любят: и бандиты, и большевики, и французы с белогвардейцами – такой кавардак с властью, ужас – следят друг за дружкой, стреляют, режут, грабят. Дед твой передумал за границу бежать: кому мы там нужны, помрем без денег. Мы же все бросили в Петрограде, когда бежали. Остались в Одессе, и выдали нам документы, что пролетарии мы: рабочий порта и уборщица. Тогда, надо сказать, в Одессе новая власть очень любила демонстрации устраивать.

Праздничные колонны шли по улицам города. Людей было много. Флаги, транспаранты, портреты вождей висели над головами и казалось, что их лихорадит. Люди разговаривали, поворачивались, смеялись, дрожа всем телом, приседали, чтобы выпить и все, что они несли в своих руках, так же подпрыгивало и колыхалось из стороны в сторону. Раздавались призывы и здравицы коммунизму, Розе Люксембург и другим, непонятно почему, таким дорогим для новой власти, людям.

На Дерibasовской стояла сцена и по ней важно прошажи-

вался, разминая затекшие ноги от долгой неподвижности, отец города в кожаной куртке. Вдруг над площадью пронеслось: «Паве, его лошади и чекистам наш биндюжнический привет!». Мадам Феня опешила, а Веня снова сложил ладони рупором, но второй раз крикнуть ему не дали.

– Веня, из тебя, может быть, и получился бы хороший оратор, но для этого нужно прочесть хотя бы уголовный кодекс.

Веня улыбнулся, как человек, понимающий преувеличения в свой адрес, он решительно заявил, что не хочет быть оратором, потому как они плохо кончают; к тому же надо знать, что написали наши вожди, а что они и не собирались писать, а мы все равно это читаем. Оратор должен быть подкован лучше, чем лошадь Павы, а у меня усидчивости для этого не хватит и мозгов.

– Это ты правильно сказал, кроме усидчивости нужны еще и крепкие мозги, и золотая голова.

– Мадам Феня, не обязательно каждому иметь золотые мозги, их в повозку не запряжешь и сортиры не почистишь.

– Веня, прекрати просто выкрикивать всякие глупости и не умничай.

Колонны шли уже около часа, и люди восторгались, какая Одесса большая и как много в ней людей живет.

– Вы заметили, шо мы на одном месте топчемся?

– Мы второй раз прошли мимо беседки Дерибаса.

– Мы шо, ходим по кругу?

– Да.

– До революции Одесса была на третьем месте после Петербурга и Москвы, а теперь на пятом, – сказал Веня.

– Кто ж сумел обскакать мамашу Одессу? – спросила мадам Феня.

– Харьков и Киев.

– А до революции Киев был выше Харькова, но ниже Москвы, так? – спросил насмешливый голос.

– У тебя, Веня, в голове бардак, надо, шоб Пава там немного пошуровал.

На кого другого, так Веня сразу бы обиделся, а на мадам Феню нельзя, она всему двору мамаша.

– Мадам Феня, вы получили право голосовать?

– Как все, а шо?

Кацик сложил ладошки рупором и закричал:

– Лишенцам, получившим право голосовать, ура!

– Кацик, вы долго будете шпенять мое происхождение?

Белые у меня не спрашивали о нем, а красные спрашивали, но не для того, чтобы разрешить голосовать.

– Теперь все по-другому: войны нет, и мы можем не бояться.

– Правильно, – согласилась мадам Феня. – Теперь мы можем не бояться, но скажи мне, кто гладит по голове, когда надо дать по жопе?

Кацик подтвердил, что нет смысла гладить по голове, когда надо дать по жопе, но все-таки не мог понять мадам и вместе с тем возразить, потому как... И Кацик промычал:

– И шо вы имели под этим в виду?

– Я никогда не пила кровь из рабочих, а во время войны не стреляла ни в красных, ни в зеленых.

– Мадам Феня, я ручаюсь головой, шо за вас так думает вся Одесса.

– Он ручается головой, но все же знают, что у тебя руки золотые, а голова...

– Да, по части политики я плохой коммерсант, не то что Пава.

– Кацик, – нахмурилась мадам Феня, – я же говорила, не мешайте Паву с политикой. У тебя не только с головой, у тебя еще и с зубами не важно.

– А кто был Пава? Никто ж ничего не знает.

– С зубами у тебя и взаправду плохо, Кацик, нема где языку держаться. А тож! – подняла вверх палец мадам Феня. – И не забудьте: завтра собрание во дворе. Самогон не приносить, чекист придет.

– А шо за вопрос?

– Тебе еще не надоела пасущаяся лошадь во дворе?

Собрание

Жильцов, пришедших на собрание, было немного, каждый дом отправил своего делегата, и мадам Феня предупредила, чтоб лишних бездельников и горлопанов на собрании не было. Во дворе и так места на всех записанных делегатов хватит только-только из-за веревок, будь они не ладны. Кацик и Веня поставили стол под огромным платаном, за ним сидела мадам Феня, а делегаты пришли каждый со своим стулом, табуреткой или скамеечкой. Оперуполномоченному поставили стул справа от стола. Мадам Феня попробовала сесть на стул для чекиста, но небольшая ветка дерева не позволила мадам выпрямиться.

– Ничего, он маленького роста, поместится, и потом... все равно другого места у нас во дворе нет.

– Товарищ чекист, новая Конституция разрешает единоличникам и колхозникам держать как свою корову и птицу, так и свою лошадь. Для этого у них имеются разные помещения: сарай, курятник, хлев. Поскольку я биндюжник и работаю в порту, то у меня есть своя лошадь. Если я могу иметь лошадь, то помещением, то есть стойлом для нее, кто меня должен обеспечить? – начал собрание Пава.

– Пава, зачем тебе жить в стойле, если у тебя есть солнечная комната и коридор? – возразила мадам Феня.

– Очень маленький и общий, как в любой коммуналке,

мадам.

– Пава, я, как врач, не разрешаю тебе жить в стойле, – сказал Соломон.

– Я не про себя говорю, а о лошади.

– Мы знаем, что у тебя есть лошадь, но у тебя есть и семья.

– Гражданин биндюжник, а лошадь зарегистрирована в финотделе? Налоги платить кто будет? – спросил чекист.

– Пава – не дурак: лошадь работает в порту, порт платит налоги, Пава получает денежку и кормит семью. Но кто будет кормить лошадь и где ей жить?

– Построим для нее гараж на чердаке, – предложил врач.

– Соломон, если моя лошадь каждое утро будет спускаться по нашей лестнице, у мадам Фени начнется страшная мигрень, а лошадь таки переломает себе ноги.

– У кого еще есть вопросы? Если такие, как у Павы, то лучше не задавать, – сказал чекист.

– Товарищ чекист, чтобы трубу проверить и узнать, где она забилась, ее нужно простукать, продрать проволокой и посмотреть на свет. Так и вопрос: надо сначала вытащить его на свет божий, а тогда будет видно, глупый он или умный, – возразил чекисту Кацик.

– Кацик, здесь серьезный вопрос решается, а не вечер развлечений.

– Я вижу, мадам Феня.

– Господа, товарищи и биндюжники, если сравнить, как была организована медицина до революции в Одессе, то тра-

диционные противопоставления дня и ночи, земли и неба, черного и белого... – ни с того ни с сего проговорил Соломон.

– Соломон, не черного и белого, а скорее красного и белого, – возразила мадам Феня.

– Ша, мадам Феня, дайте врачу закончить мысль, – сказал Кацик.

– Шо закончить?

– Граждане, прошу серьезнее, я не могу торчать здесь целый день и нюхать кислую капусту, по существу, месье Соломон, – промолвил чекист.

– Когда уважаемое мной ЧК называет меня месье, я по существу...

– А шо с моей лошадью? – прервал идиллию собрания Пава.

– Пава, мы сперва будем думать, потом обратимся в порт, я в протоколе записал твое выступление. Послушаем месье врача, – ответил чекист – и грозно посмотрел на Паву.

– Я великодушно извиняюсь, но, товарищ чекист, лошадь загадила весь двор, а дворнику новая власть платить не хочет, – возмутилась мадам.

– Мадам Феня, вы не беспокойтесь, вам же не убирать, –отреагировал Кацик на слова мадам и подобострастно улыбнулся чекисту.

– Мне нюхать и убирать тоже, кстати, мне. А ты хоть раз убрал за лошадью?

– Так что там с черным, тьфу, белым и красным? – спросил Веня.

– Я продолжу о врачах, если меня не будут перебивать биндюжники, трубочисты и чекисты, прошу прощенья, товарищ, – смущаясь, извинился Соломон.

– Мы вас слушаем, товарищ врач, смелее, – подбадривал Соломона чекист.

– Так вот, в Одессе я практикую кожные заболевания. В связи с этим могу с полной ответственностью заявить...

– И что с лошадью? Товарищ чекист, я так и не понял, будет стойло у меня или нет? – снова вмешался в ход собрания Пава.

Во дворе, где проходило собрание, наступила тишина.

– Могу сообщить, что болезни эти уменьшились в пять раз... – промямлил Соломон, но мысль не закончил – на него из-за угла дома надвигалась лошадь. Соломон попятился и, прижавшись спиной к дереву, остановился. Отступить дальше было некуда.

– Товарищ биндюжник, заведите лошадь обратно за дом и пускай там пасется, пока идет собрание, – возмутился чекист.

– Она хочет услышать ответ.

– Она хочет гадить и уже это делает прямо перед столом оперуполномоченного. Пава, сейчас не 1905 год и это – не восстание на броненосце. А собрание во дворе.

– Я знаю, мадам Феня, но вопрос задан, а ответа мы с ло-

шадью так и не услышали.

– Пава, убери за своей лошадью или товарищ чекист убежит, – проговорила мадам Феня.

– Кацик, принеси противогаз, их выдали на случай проведения учений гражданской обороны, – посоветовал Веня.

– Кацик, они в подвале. Да обойди ты лошадь, перепрыгнуть ее тебе не удастся, – сказала мадам Феня.

– Вы правы, мадам, бегу.

– Так вот, если умножить это на три, то мы получим мизерные цифры болезней.

– Соломон, что на что помножить и зачем?

– Мадам Феня, я продолжу свою мысль.

– Кто помнит о его мысли? – спросил оперуполномоченный ВЧК.

– Он говорил о болезнях, товарищ чекист.

– Прошу, продолжайте, месье Соломон. – Чекисту явно не хотелось говорить о лошади.

– Так вот, мизерные цифры мы не увидим даже под микроскопом. А под ним человек может рассмотреть, заметьте, одним только глазом, миллион микробов.

– У нас один микроб – и очень большой, к тому же гадит прямо у нас под носом. Пава, имей совесть, – не выдержала мадам Феня.

– Общество биндюжников порта – это как профсоюз завода «Серп и Молот», в беде не оставит, – ответил, наконец, на вопрос Павы чекист.

– Но лошадь пока не в стойле общества, – возразил Пава.

– Она у нас во дворе, это мы наглядно видим, – подтвердила мадам слова биндюжника.

И чувствуем, товарищ оперуполномоченный, – сказал Кацик и подобострастно улыбнулся мадам Фене.

– Не волнуйтесь, товарищи. Я после собрания с Павой и его лошадью пойду в порт – и мы, я уверен, решим вопрос со стойлом. Товарищи, вы куда? Собрание не окончено. А как же обсуждение постановлений и решений? – растерялся чекист (не успел оперуполномоченный и глазом моргнуть, как все быстренько поднялись и ушли).

– Нам нужно было решить вопрос с лошадью. А собрание, наверное, можно закончить всеобщим одобрением всех решений, – ответственно заявила мадам Феня.

– Что, так достала лошадь? – спокойно спросил чекист.

– А вы думаете, нет? Таки да, но нас в порту не слушают, и если вы нам поможете, то Ягве, потихоньку от всех, получит свечку на ваше имя.

– Подождите, соседи! Я не сказал, почему отказался от частной практики, – попытался остановить людей и вновь обратить на себя внимание врач.

– Соломон, ты отказался, потому что мы обещали вышвырнуть твоих пациентов и набить тебе лицо, ведь в нашем дворе живут дети. Такое обещание дали Кацик, Пава и еще кое-кто. Так? – спросила мадам.

– Так. Но пусть оперуполномоченный знает, что я могу...

– Соломон, он ушел с Павой и с лошадыю. Забирай стол. Кацик, помоги врачу стол отнести. А мне опять убирать за этой лошадыю, – вздохнула мадам Феня.

«Как изменился Пава, он стал настоящим биндюжником и одесситом, – думала мадам Феня, убирая за лошадыю. – Пять лет – и не узнать человека, нечего и сравнивать с тем Павой, которого у моря, когда-то нашел Веня. Сейчас у Павы уже подросли дети, и просто не верится, что в нашем дворе каких-то пять лет назад было тихо».

– Боря, Галя, Хилька, Ефимка и Гнат, шо вы так раскричались? А ну тише, сорванцы, – проговорила мадам Феня. – Шо за имена дал Пава детям? Правда, он не еврей, и это его немного оправдывает в моих глазах. Ну нет, чтобы послушать знающих людей и назвать Ося или Изя, а то... Игнат и Боря.

Во дворе что-то заскрежетало, грохнуло и повалил дым. Мадам Феня выскочила на улицу. Все дети кричали и прыгали вокруг костра, шо чертенята.

– Пава, ты где?

– Папа с мамой ушли в клуб, а нас оставили под присмотром Хильки дяди Додика.

Мадам Феня набрала ведро воды и залила костер.

– На шо вы похожи? Черные от дыма. Де вас носило? Я спрашиваю или как? Опять в катакомбы лазили? Признавайтесь, негодники. Вот вам корыто, наносите воды и поможесь.

– А под колонкой? – спросил Боря.

– Под колонкой нельзя, там через пять минут озеро будет, и вы весь двор залыете водой.

– Мы не будем таскать такие тяжести, мы еще маленькие, нам нельзя, – возмутились дети.

– Берите по полведра, – парировала мадам Феня.

– Мы на море пойдем, – сказал Боря и, тут же развернувшись, чуть было не побежал к морю, но крик мадам его остановил.

– Шо?!

– Под вашим присмотром, мадам Феня, – попросил Боря.

– Чтобы вы разбежались, шо зайцы по полю? Полезете под землю, спрячетесь, а мне потом перед вашими родителями отвечать? Нет уж, натаскайте воду – и мойтесь, пока ваши родители не пришли.

– Мы под землю не полезем, если пойдем на Ланжерон, – стали кричать дети.

– Таскайте воду, вы, буржуи и белоручки.

– Мы не буржуи, наш папа биндюжник, – стал спорить Боря с мадам Феней.

– Вы ленивые, а значит, буржуи. Завтра я приду к тебе в школу, Хилька, и скажу директору, чтобы построил всех детей, и перед всем строем с тебя сняли галстук. Буржуйские дети не могут быть пионерами.

– От тяжести бывает грыжа. Вы хотите, чтобы у нас была грыжа? – сказал Боря.

– А Павлик Морозов, он не думал о грыже, он жизнь отдал, – парировала мадам Феня.

– Его папа был кулак, а мы дети биндюжника, – упорствовал Боря.

– Если человек не буржуй, он любит работать, а вы только гулять, плясать, ползать по катакомбам, поджигать, кушать и какать в свое удовольствие хотите.

– Ладно, мы наносим воды, – согласились дети.

– Я хочу, чтобы Хилька дала честное пионерское.

– Я могу, – согласилась Хилька, – но без галстука слово недействительно.

– Носите воду, чертенята, и быстро.

– Мадам Феня, а столица земли что? – спросил Боря.

– Какая столица и какой земли?

– Да земли!

– Столицы могут быть только государств, шо вы мне голову морочите? Вам папа разве не отвечал на такие вопросы?

Боря, я же тебе рассказывала о земле и о городах, ты что, забыл? Это он подлизывается, хочет альбом ваш посмотреть, ему картинки очень нравятся.

– А я повидла хочу, – сказала Хилька.

– А я думаю, что вы приготовили что-нибудь вкусенькое, как всегда. Вы так хорошо готовите, – проговорил Игнат.

– Идемте, подлизы – накормлю, покажу и угощу.

– А Одесса пишется всегда с большой буквы? – снова спросил Боря.

– Да.

– А земля?

– Нет.

– Значит, Одесса важнее земли, – загалдели дети.

– Значит, шо вы глупее, чем я думала.

Дети, сидя на диване, ели бутерброды с вареньем и рассматривали альбом с картинками.

– О, на деда Гольцмана похож.

– Он, смотрите, мадам Феня, точно Гольцман.

– Один в один.

– Это не Гольцман, дети, это фараон. Он уже мертвый и ему больше двух тысяч лет, – сказала мадам Феня.

– Я думал, Гольцман моложе, – сказал Боря.

– Это не Гольцман, Боря, это – фараон.

– Ты права, Гольцман никогда не был фараоном, иначе мы бы знали. Гольцман нам всю свою жизнь уже рассказал, он простой сторож.

– Мадам Феня, а он хорошо сохранился для двух тысяч лет.

– Он забальзамированный, поэтому и сохранился, – ответила мадам Феня.

– Значит, если забальзамировать, то человек не постареет?

– Да.

– Тогда давайте забальзамируем папу.

– Бальзамируют, Боря, только мертвых.

– Жаль, – сказали дети хором, доели бутерброды, попрощались с мадам и ушли. Мадам Феня прилегла и немного даже задремала, когда ее разбудил переполох во дворе. Мадам поднялась и, подойдя к окну, отдернула занавеску:

– Что случилось?

По двору бегали мокрые с головы до пят Додик со своей женой Региной, Соломон, жена Павы, Кацик и сантехник.

– Я перекрыл воду. А кая-то сволочь залезла в люк и открыла вентиль. Я сделать ничего не успел.

Мадам Феня выскочила во двор. Кацик отжимал платье жены Павы. Самого Павы не было, из люка торчала чья-та задница и две ноги в брюках. Это Пава, догадалась мадам.

– Какой сильный напор, как при потопе, – смеялся Кацик.

– Не щупай жену Павы! А ты, Соломон, на шо вытарацился? Зеньки не повыползают?

Все стали смеяться. Пава из люка вытаскивал детей.

– Пава, ты даже не подозреваешь, кто помогал выжимать платье твоей жены. Куда ты смотришь?

– На детей, мадам Феня.

Дети были грязные и мокрые.

– Они только час назад вымылись от такой же грязи.

– А мадам Феня нас накормила.

Все засмеялись, а на Соломона напала икота. Вылез сантехник, черный от грязи и мазута, и тоже засмеялся, глядя на детей и взрослых. Все – грязные и мокрые – стоят полукругом и хохочут.

– Шоб я так всю жизнь смеялась, – сказала мадам Феня. Все захохотали еще громче.

* * *

Шестнадцатого сентября сорок первого года в город вошли румыны и фашисты. Город уже был разрушен, пресной воды не было, и пришедшая власть возобновила расстрелы с новой силой. Голод и холод уже забрали жизни Додика, его детей и жены. Соломона расстреляли, а мадам Феня пропала где-то в Германии, куда увозили в товарных вагонах всех пойманных евреев. Вечер уже, иди спать. Завтра, если захочешь, я дальше расскажу о нашей жизни.

Мне снится дедушка – молодой и красивый, в самом прекрасном городе Санкт-Петербурге, обнимая жену и отца, он восклицает: «Ура! Я завтра офицер!». Каждые каникулы и летом, и зимой мы ездили к бабушке в деревню. Жизнь не сломала ее, она добрая и нежная, а сколько пришлось пережить ее поколению! Три страшные войны, а между ними голод и смерть. Я ждал продолжения рассказа, ведь – как же так – жизнь при новой власти наладилась: и комната, и документы, и работа есть, а дедушка был расстрелян как враг народа. Почему? Как они оказались в деревне? Если уехали из города, то когда? Все, что было связано с жизнью дедушки, мне хотелось знать, казалось, он оживает в моем сознании. На следующий день я никуда не пошел, так и проговорили с

бабушкой до позднего вечера.

«Бежали мы, внучек, опять же, от голода, это уже, когда началась Вторая Мировая, вернее, Отечественная война, чтоб ее... Деда твоего, мужа моего, значит, на фронт забрали, а я без него в городе детей не прокормлю, вот и уехала в деревню. Оккупацию и голод пережили, отец твой выжил и не хворал, а вот братьям его не повезло, но то – отдельный сказ.

Дедушка вернулся в тот день, когда сельсовет объявил, что войне конец. Я ведь и не ждала его, уверена была: не пережил он бойню эту. Воевал в Ленинграде, а из-за блокады письма и не приходили. Три года ни одной весточки. Пришел, значит, – и за работу, вся земля в железе – сеять некуда, голод страшный, а в лесу и желудей не сыщешь. Хата, хоть и разрушена, но все ж крыша над головой есть, значит, ночевать будем не под открытым небом. Нам еще повезло: мы живы. В деревне немцы, за убитых партизанами офицеров и солдат собрали детей, мужиков, женщин и от Винницы до Одессы, вдоль железной дороги и на каждом телеграфном столбе, повесили по одному человеку. Так они и висели все двести верст с двух сторон от полотна. Нас бог уберег, только братьям твоей мамы не повезло и мужу моему... Вернулся он весь в медалях, худой, старый и слабый, все соки из него война выжала. Обрадовалась я: не инвалид безрукий, безногий, и живой! Воспрянет, не впервой, третью войну пережили – и то слава богу. Недолго радость моя длилась, с тех пор

и прячу фото это. Приехали утром – и арестовали твоего деда, видать, за прошлую войну. Председатель предложил от него отказаться, чтоб детей спасти и себя, конечно. Я и отказалась от мужа своего, дескать, не знала, что гад он такой». Бабушка поднялась – пора скотину кормить.

Каждый день, проведенный в деревне, – это праздник для меня. Деревня была огромная. Утром я ходил с пастухом пасти коров. Мы проходили вдоль дворов – и из каждой калитки выходила корова и присоединялась к стаду, которое вырастало в мычащую, с перезвоном колокольчиков и топотом копыт, реку. Я городской, и для меня пасти коров, кормить свиней, курей, уток – одно удовольствие и отдых. Гуси, так те просто гуляли по селу, где им вздумается, еще шипели и щипались. А как хорошо нестись на велосипеде по холмам, нырять в ставке, гулять по лесу.

Вся моя недолгая и смешная жизнь – без подвигов и страданий, даже досада брала. Ночью мне снился дедушка и мы разговаривали, бредя через поле подсолнухов, этот сон будет сопровождать меня всю жизнь. Теперь я верю и знаю, что память воскрешает из небытия прошлого, возвращая к жизни давно умерших, но не забытых. Наш мир полон памятными знаками о прошлом, и я хочу научиться видеть и понимать их. Какое звездное небо и что за боги создали жизнь, как охраняют ее и о чем рассказывают? Какие боги охраняли в древности людей и были ли цивилизации до нас? Имел бы машину времени – увидел бы то, о чем до меня никто даже

не догадывался. Такой машиной времени для меня стали катакомбы. Каждый раз, когда спускаюсь в катакомбы, я испытываю чувство погружения в другой мир. В катакомбах темно, сыро, дышать нечем и тихо, как в могиле, так это и есть самая настоящая могила.

Звуки замерли, они не движутся и окаменели. Я специально выключил фонарик. Неужели тут была жизнь? В крошечной тьме и без свежего воздуха? Люди, чтобы выжить, всегда приспособивались к окружающему их миру, и я вижу, как они бесшумно передвигаются по этим узким лазам под землей. Как все-таки люди попали в подземную пещеру и выжили? Быть может, благодаря катакомбам и выжили? Люди точно жили здесь – это подтверждает надпись на стене пещеры, которую случайно нашел. Я не знаю, что она означает, но знаки эти похожи на буквы и писал их человек. Только когда и кто? Букв, а то, что это были буквы, я почему-то не сомневался, было немного, и я запомнил, как они выглядят. Учитель – только он сможет мне объяснить значимость этих букв. Пора выползть из этой подземной норы и возвращаться домой. А жизнь полна звуков. Снизу, с улицы, через открытое окно в мою спальню доносится далекий и монотонный шум проезжающих авто. Жужжит вентилятор, где-то в соседней комнате скрипнула дверь, на кухне слышен смех, а через открытую дверь на балкон слышен шелест листьев каштана. Проехал трамвай, звеня и постукивая железными колесами. Музыка города... мы не замечаем

ее, потому что привыкли. Вот бы услышать музыку жизни той, прошедшей эпохи. Какие звуки сопровождали человека, написавшего там, на стене пещеры, под землей, загадочную фразу. Интересно, кем он был? – Судя по знакам, если их точно написал древний человек, это буквы алфавита Винча, – сказал учитель. – Доктор Р. Пешич нашел в среднем течении Дуная, у местечка с названием Винч, кремневые таблички, возраст находок примерно 60000 лет, на них начертаны буквы в алфавитном порядке. Сейчас мы можем сказать, что буквы в большинстве своем имеют славянский характер. Языком Винча написаны книги Еноха, и фраза, с которой начиналась одна из книг, была мной найдена на стене пещеры. Алфавит Винча появился задолго до Вавилонского алфавита, до шумерской письменности, до египетской цивилизации. Он – основа славянских языков, так утверждают ученые Европы, Америки, Индии, Словении и России. А ведь учат нас, что славянский язык появился чуть ли не последним в мире языков.

Книги Еноха описывают все накопленные человечеством знания до катастрофы, которая привела к ледниковому периоду, как его называет современная наука. Енох писал свои книги со слов людей, переживших эту катастрофу.

– А наука знает о том, другом мире? – спрашивал я своего учителя истории.

– Археологи давно искали факты, подтверждающие существование погибших некогда цивилизаций. В 1891 году про-

звучал доклад в стенах Академии наук Лондонского научного сообщества. Он оповестил весь мир, что человечеству не 70000 лет, и доказывают это находки, что были найдены учеными, это орудия труда и войны, резная посуда из тончайшего камня, возраст которых 55 млн лет. А 9 июня 1891 года в расколотом куске угля была найдена длинная золотая цепочка, но возраст угля 260–320 млн лет, и такое изделие мог сделать только человек. В том же году в одном из песчаников была найдена золотая нить, которой сегодня обшивают театральные костюмы (возраст образования песчаника 387 миллионов лет). В 1938 году профессор Уилбер Бероуз, геолог, сообщил, что обнаружил ископаемые отпечатки ног, относящиеся к позднему карбону, то есть возраст их насчитывает 250 млн лет, песчаник окаменел – и следы человека четко сохранили правую и левую ступни.

Были найдены окаменелые следы идущего человека, их называют дорожкой Тэйлора, им 100 млн лет. Следы человека пересекают следы динозавра, им также 100 млн лет. Человек жил в эпоху динозавров и уживался с ними, вблизи от этих пересекающихся дорожек обнаружено 134 следа динозавров того же возраста. Такие отпечатки – не единичные находки, их обнаруживали в Африке, США, Турции, России. Джон Рейд в 1922 году обнаружил отпечатки обуви человека: на окаменелом отпечатке можно увидеть стежки ниток, которыми сшита обувь, этому отпечатку 248–213 млн лет. В 1968 году найден отпечаток обуви в породе возрастом 505–

590 млн лет. Человечество имеет тот же возраст, что и наша планета, цивилизация достигала пика своего развития не один раз – и на этом пике люди сами себя уничтожали.

Енох – очень известное имя в истории. Книги, а их у Еноха, по его утверждению, было не менее трехсот, – это бесценные исторические артефакты, доказывающие, что уровень развития человечества еще сто млн лет назад был гораздо выше, чем сегодня. Одно из подтверждений о возможностях человека доледникового периода, описанных Енохом в его книгах, – это музей камней Ики доктора Хавьера Кабреры в Перу. На камнях начертаны рисунки, например, как делать трепанацию черепа или как смотреть на звездное небо через телескоп.

В музее таких камней сотни. Этим рисункам не менее десяти тысяч лет. Разве же они нарисованы человеком, не владеющим разговорной речью? Не только артефакты – доказательство некогда великой цивилизации людей, но и сама история человечества свидетельствует о погибшей в мировой катастрофе жизни землян. Исследователи доказали, что на месте Олдувайского ущелья в Эфиопии 2 млн лет назад было озеро, в его округе жили звери и, самое интересное, люди. Стоянка охотников обнаружена в слое грунта на сорокаметровой глубине, в котором хорошо сохранились орудия труда и охоты.

Люди уходили от пустыни, а ледник то наступал на жизнь, то ослабевал, и в периоды межледниковья проходили са-

мые интенсивные процессы формирования характера будущей цивилизации. Завершающие штрихи этого процесса отличались самым необычно быстрым прогрессом: изготовление орудий труда; календари и наскальная живопись; выровненные бивни и рога; инструменты для шитья, костяные иглы и рисунки одежды; в сюжетах наскальных рисунков показаны наказания за преступления перед племенем, семьей или народом; новые способы охоты; по скульптурам и статуэткам того периода определена материнская родовая общность людей. Такой всплеск жизни наблюдается на территории всей планеты, конечно же, в местах, где жили люди.

Изучая пещеру Монтеспан, известный спелеолог Н. Костере нырнул в подземную реку и вынырнул в большом зале, на стенах которого сохранились изображения зубров, оленей, мамонтов. В центре зала стояла скульптура медведя, сделанная из глины.

В пещерах Европы, Причерноморья и Англии находим рисунки мужчин – по виду не охотников, а колдунов. Ритуальные пещеры с рисунками и скульптурами не раз находили археологи и спелеологи. В связи с уходом ледника и улучшением климата люди покидали пещеры, устраивая открытые поселения. Началась миграция на освобожденные ото льда земли, но пещеры оставались для человека местом его творчества, он наделял их силой веры в удачу и богов.

Профессор Резников однажды обнаружил, что его голос звучит по-разному в пещерах. Так появилась теория, и она

подтверждена, что при входе в пещеры, на стенах которых красовались наскальные рисунки, голос звучит мелодичней, громче и четче. Резников проверил свою теорию в различных пещерах Франции и обнаружил десять мест, где эта теория имела место. Так в пещерах эпохи палеолита (25–15 тыс. лет до н. э.) с изображениями животных и людей голос и звук музыкальных инструментов фокусировался и звучал объемно. Иногда рисунки были нанесены в пещерах, где рисовать было неудобно; зато пещеры с идеально ровными, а значит, пригодными для нанесения рисунка стенами, где звук не обладал объемным звучанием, оставались не разрисованы людьми. Пещеры с наскальными рисунками – это места совершения магических обрядов и религиозных ритуалов с обязательным акустическим эффектом. Каждая такая пещера имела свой голос, и на стенах рисовали то животное, которое издавало звук, похожий на эхо пещеры (глухой, звонкий и высокий, протяжный или отрывистый). Древний человек знал законы физики, например, принципы поглощения и отражения звука, и умело пользовался этими знаниями. Законы природы и Вселенной описаны в книге Еноха, за которой охотились все сильные мира сего.

* * *

Как сообщает средневековый историк Вильгельм Тирский, «...в 1099 г., в результате первого крестового похода

да было основано Иерусалимское королевство. Император королевства Балдуин II в 1119 году не имел мощной армии, и горстка рыцарей вынуждалась обеспечивать защиту паломников, прибывающих на Святую Землю, от грабежей и убийств. Первоначально этих смельчаков было всего девять, все французы. Они основали свой орден – «Бедные рыцари Христа и Храма Соломона». Двадцать лет девять рыцарей вели поиски в разрушенном храме царя Соломона – это было тайное и главное задание, которое глава католической церкви поручил рыцарям, ведь не могли же, в самом деле, девять человек защитить от грабежей и смерти тысячи паломников и при том одновременно на всех дорогах, ведущих от моря к святому городу. Что же они искали и что нашли рыцари в руинах Храма Соломона? Для того, чтобы это понять, мы вспомним, кем же был Соломон и какими знаниями владел. Всевышний обещал наделить необычной мудростью Соломона, если он будет следовать всем указаниям его. Царь Соломон, биография которого представляет нам одного из лучших дипломатов древности, построил храм, строительство которого завершилось в 950 году до н. э. На празднование, посвященное его торжественному освящению и продолжавшееся две недели, прибыли старейшины всех родов и колен. В Храм был перенесен Ковчег Завета, после чего царь зачитал молитву. Строительство стало делом общенародной важности, оно превратилось в олицетворение объединения всего еврейского народа. Согласно Торе, к Соломону дважды

являлся Бог. Соломон, иудейский царь, создал символ государства и его печать. Так появилась знаменитая шестиконечная звезда Соломона. В средние века ее также связывали с оккультной пентаграммой и мальтийским крестом, использовавшимся рыцарями-иоаннитами. Звезда Соломона применялась в алхимии, магии, каббале и других мистических практиках. Иудейский царь носил кольцо-печатку, на которой был изображен этот древний символ. Звезда была его военным талисманом, и Соломон не расставался с ним ни в одной битве. Возникает вопрос, какими же знаниями обладал Соломон, если смог объединить людей одной религией, философией и написать законы бытия, давшие человечеству веру в жизнь и удивляющие людей двадцатого века своей мудростью?

Важным воплощением гения Соломона стало его творчество. Историки считают, что он был автором нескольких ветхозаветных книг, являющихся важными частями Библии. При жизни Соломон озвучил больше тысячи притчей, часть из которых легла в основу Книги Притчей Соломоновых. Это произведение стало 28-й частью Танаха. Также авторству Соломона принадлежит Книга Песни Песней и Книга Екклесиаста. Смерть царя Соломона наступила в 928 году до н. э., на четвертом десятке его правления. Приближенные, не поверив в кончину старца, не хоронили усопшего до тех пор, пока черви не начали поедать его посох. В арабских источниках Соломон называется Сулейманом и считается предте-

чей пророка Мухаммеда.

Вот как описывают свои поиски первые «Бедные рыцари Христа и Храма Соломона»: «Мы знали, что ищем – это свитки, книги. День за днем мы обшаривали руины храма и, ничего не найдя, спустились в конюшни, которые протянулись на десятки лье под дворцом. Гуго де Пейн нашел лаз и вполз в него, но мы не решились последовать за ним, однако через некоторое время Гуго де Пейн вылез из-под земли и показал нам книгу. На следующий день мы стали обладателями сотен книг царя Соломона». Рыцари храма, неофициально их называли тамплиерами, нашли книги Еноха, в число которых вошли географические карты с указанием месторождений золота, нефти, алмазов и т. д.; карты промера глубин океанов и морей; карты воздушных потоков... Тамплиеры, вероятно, передали не все книги Папе Урбану II, потому что вскоре смогли создать банковскую систему, о которой человечество не ведало до находок бедных рыцарей, открыть кредит дворянам, уезжающим в Иерусалим на защиту паломников, и это при том, что в то время мир людей не был знаком с такими словами, как банк или кредит. Орден смог скупить огромные территории земли в европейских странах на деньги, неведь откуда появившихся у тамплиеров; смог построить самые мощные и красивые замки мира; создать самую сильную армию в мире. Тамплиеры стали самым богатым Орденом мира и практически обладали мировым финансовым господством, давая в долг королям всех стран (сам

папа был должником ордена!). Тамплиеры, не скупясь, тратили огромные суммы на развитие наук и искусств, на финансовую поддержку художников, музыкантов, поэтов и алхимиков. Но все же солдаты остаются солдатами, и основной сферой интересов храмовников было развитие таких областей, как геодезия, картография, математика, физические науки, строительные науки, мореплавание и, конечно, война. К тому времени Орден уже давно располагал собственными, не подконтрольными власти королей, верфями, портами, собственным, современным и сверхоснащенным, флотом – довольно упомянуть, что на всех его кораблях были магнитные компасы. «Морские тамплиеры» активно занимались коммерческими морскими путешествиями, перевозя грузы и паломников из Европы в Иерусалимское Королевство. За это они получали щедрое вознаграждение и церковную поддержку.

Не менее активно тамплиеры занимались и строительством дорог и церквей. Качество проезда в Средние века можно было бы охарактеризовать как «сплошной грабеж, помноженный на отсутствие дорог»: если Вы паломник, будьте уверены, что вас ограбят не только разбойники, но и государственные сборщики налогов, имеющие пост у каждого моста и на каждой дороге. И тамплиеры, к неудовольствию властей, эту проблему решили – они занялись активным строительством прекрасных дорог и крепких мостов, которые охраняли их собственные отряды. С этим строительством связан

также один «финансовый феномен», являющийся, по законам бизнеса, нонсенсом – за проезд рыцари не взимали налогов, ни одной монеты! Также менее чем за сто лет Орде- ном по всей Европе были построены не менее 80 больших соборов и не менее 70 церквей, монахи же, населявшие эти церкви и соборы, полностью состояли на обеспечении тамплиеров. Папская булла *Omne datum optimum* от 29 марта 1139 г. даровала им автономию от местных светских и духовных властей. Фактически храмовники никому не подчинялись. Официально, конечно, рыцари должны были подчиняться только римскому папе, но такое подчинение было формальным, так как папа стал основным должником ордена. Булла *Milites Templi* от 9 января 1144 г. давала индульгенцию (искупление грехов) всем, жертвующим на орден. Через двести лет тамплиеры были уничтожены королем Франции Филиппом Красивым и святой инквизицией.

– Согласие архиепископов Франции с вашим предложением было добыто мной в самые короткие сроки. Одного миллиона ливров будет вполне достаточно, Ваше Величество. Это учитывая, сколько золота, серебра и алмазов доставляют тамплиерам во Францию со всего мира. Алмазы, например, привозят из Африки. Ваше Величество, все интересующие нас сведения может дать только Великий Магистр Ордена Жак де Моле. – Министр Филиппа сделал паузу, так как почувствовал, что император желает высказаться.

– Главное, Дюбуа, чтобы магистр тамплиеров не умер фи-

лософской смертью.

– Это исключено, Ваше Величество.

– Не обольщайтесь, Дюбуа, никому и в голову не придет проверить гроб, в котором понесут магистра на кладбище. Гроб с камнями закопают – и тогда мы навсегда потеряем возможность добраться к секретам и богатствам Тампля, а Жак де Моле оживет где-нибудь в Англии или Германии под другим именем. Дюбуа, мне нужны не только богатства Ордена, но и их алхимики, ювелиры, математики и геологи, а главное – все договора о поставках алмазов и золота. Документы эти разоблачат тамплиеров в сговоре с сарацинами против папы и веры.

– Я не знаю, к глубочайшему своему прискорбию, золотых и алмазных тайн Ордена Рыцарей Храма Соломона; больше того, я уверен, что ни один человек, кроме Великого Магистра, этими секретами не владеет, но все предусмотрено мной, и Жак де Моле доживет до своего ареста королем Франции, а обвинение при этом выдвинет святая инквизиция.

– Я не удивлюсь, Дюбуа, если какой-нибудь герцог или император предупредит Орден о наших планах – и мы останемся ни с чем, а я не хочу отдавать долги этому Ордену «нищих» рыцарей.

– Все императоры Европы, да и герцоги тоже, не хотят отдавать свои долги Ордену, да и сам папа не желает расставаться со своим золотом, именно поэтому Жаку де Моле не

скрыться от нас. Великий Магистр обречен.

– Ты думаешь, что папа ограничится вынесением приговора? Запомни, Дюбуа, не только я хочу владеть богатствами Ордена, но и папа желает прибрать к рукам золото тамплиеров. Когда два года назад я встретился с кардиналом, то он был дружелюбен, покладист и услужлив, но стоило ему вступить в должность и войти в папский дворец, как все осложнилось. Я бы, на твоём месте, принял все меры, предупреждающие шаги инквизиторов. Тамплиеров должны допрашивать следователи короля Франции, а не святой инквизиции. Если мой план сорвется, то я обвиню тебя в пособничестве еретикам и сожгу на костре вместе с ними.

Король Франции, Филипп Красивый, не получил ни желаемых сокровищ Ордена, ни книг Еноха. Тамплиеров сожгли инквизиторы и, быть может, книги Еноха хранятся в Ватикане и по сей день.

Книги Еноха стали предметом изучения таких ученых, как Эйнштейн и Тесла. Работы Тесла и Эйнштейна перекликались с описанными в книгах Еноха предупреждениями Вседержителя. Филадельфийский эксперимент, который в 1943 году подготовили Тесла и Эйнштейн, проходил на глазах у сотен людей и должен был дать в руки человечества абсолютную защиту от войны. Фашизм стремился поработить мир, война шла уже четвертый год – и многие народы должны были исчезнуть с лица земли. Во время сверхсекретного эксперимента американских военных пропал, а затем по-

явился в десятках километров от места проведения опыта эсминец «Элдридж» вместе с командой, которая насчитывала 181 матроса. Американские военные моряки попытались сгенерировать на военном эсминце мощнейшие электромагнитные поля, благодаря которым световые и радиоволны были бы вынуждены огибать корабль. То есть фактически задачей эксперимента, о которой оповестили общественность в печати, было создание корабля-невидимки, своеобразного «Летучего голландца», незаметного для глаз и локаторов противника. 22 июля 1943 года корабль, находящийся в доке, после включения аппаратуры сначала оказался окутан зеленоватым светом, а затем и вовсе исчез из виду до самой ватерлинии. Затем корабль неведомым образом вновь материализовался в месте проведения эксперимента. Матросы с виду были невредимы, но вели себя заторможенно и часто впадали в протрацию, а один матрос и вовсе прошел сквозь стену на глазах у своей семьи и исчез.

Технологию, которую испытали во время эксперимента, вывели из единой теории относительности Эйнштейна; военные были уверены, что во время эксперимента проверяли некие расчеты самого Николы Тесла. Исследователи же, идущие по стопам Джессупа, прошедшего сквозь стену моряка на исчезнувшем эсминце, как утверждала пресса Запада, действительно искали и находили очевидцев появления членов экипажа «Элдриджа» не только в других городах Америки, но и на других континентах Земли. Подтвер-

дились данные, свидетельствующие, что Эйнштейн во время войны работал на ВМС США. Подготовка к эксперименту началась задолго до описываемых событий, еще в 1912 году, когда Эйнштейн обратился к математику Давиду Гилберту с просьбой обосновать и рассчитать существование многомерного пространства. В 1926 году Давид Гилберт рассказал о своей теории Джону фон Нейману, также математику, славящемуся способностью проводить теоретические изыскания и направлять их в практическое русло. Спустя некоторое время уже Нейман познакомился с неким Левинсоном, который открыл «уравнения времени Левинсона». Именно научные результаты этих ученых и легли в основу теории проекта по созданию невидимости крупного объекта и мгновенного перемещения его на тысячи миль. К практической проверке загадочной теории ученые приступили в тридцатых годах XX века в стенах Чикагского университета под руководством декана Джона Хатчинсона. Позднее к работам действительно присоединился знаменитый Никола Тесла. Исследования оказались настолько многообещающими, что уже к 1936 году несколько групп исследователей были слиты вместе под общим руководством все тех же Тесла и Эйнштейна, бежавшего от Гитлера в Америку.

Что же происходило с экипажем эсминца? Эйнштейн, владеющий результатами эксперимента, признал, что цели, которые ставили перед собой организаторы, достигнуты. Во время межпространственного и -временного перехода мо-

ряки смогли сохранить в памяти жизнь, прожитую за немногие минуты после исчезновения. Но одни моряки потеряли способность ходить, не опираясь о стены, другие находились в состоянии постоянного ужаса. Тесла, к сожалению, не дождался до эксперимента лета 1943 года, уничтожил результаты эксперимента, так как считал, что человечество погубит само себя. Эксперимент же давал человеку не абсолютную защиту от войны, а совершенное оружие. После этого проект «Радуга» был закрыт, а доктора Джона фон Неймана и Эйнштейна перевели на работу в «Манхэттенский проект» по созданию атомной бомбы.

– Ну что, тебя удовлетворил мой ответ? – спросил учитель.

– Мне бы хотелось побольше узнать о Енохе и его книгах.

– Еще в эпоху оледенения, когда двухкилометровая толща ледяного покрова колоссальной тяжестью утапливала материковые плиты к центру планеты, на нашем континенте под спасительным кровом пещер рождалась цивилизация.

Книга Еноха

«Бегство от льда и от богов холода под предводительством Яра спасло семьи. Роды славян поселились на всей Земле и строили города, и землю любили...».

Из «Велесовой книги»

Более 12000 лет назад процветала цивилизация Триполья на территории современной Украины, в Трансильвании и на Балканах. Это подтверждено археологами Б. А. Рыбаковым и В. Н. Даниленко. Учеными найдены поселения Трипольской культуры – городища из ста и более домов с катакомбными культовыми помещениями и склепами.

Авторитетный археолог и этнограф Мария Гимбутас определяет территорию, где следует искать истоки славян: Балканы, Белое море, Северное Причерноморье, Польша. Цитируя миф о происхождении славян, Мария Гимбутас подтверждает его в своих работах: «Правнуки Яфета: Скиф и Зардан поселились в Северном Причерноморье и от них пошли пять братьев: Славен, Рус, Болгар, Коман и Истер... Славяне – это самоназвание народа, которым подчеркивали свою принадлежность к понятно говорящим, владеющим одним языком – славянским», – говорила ученый.

«...Мужу мудрому, великому книжнику Еноху, которого Владыка пяти сфер выбрал, дабы он увидел и возлюбил высшее житие, дабы стал он свидетелем превеликого, мно-

гоучёного и неколебимого престола Мира, дабы познал он мудрость и степень господства знаний над человеком, дабы узрел геенну огненную, предназначенную невежественному человеку, и записал знания о природе мира небесного и земного, о множестве стихий и различных видений, несказанного пения и света безграничного – верьте и помните его», – говорится в книге Еноха.

И сказал Енох: «В первый месяц, в известный день первого месяца, я был в пещере своей, скорбя и плача очами своими. И когда лежал на ложе своем и спал, явился мне учитель столь великий, какого не видел никогда на земле: лицо его сияло подобно солнцу, а очи его были – огонь горящий, из уст его словно ветер живой исходил, а одеяние его было схоже с моим – шкура зверя, им убитого, а мысли его, словно крылья золотые (явились) у изголовья моего и позвали меня по имени. Учение мое длится и по сей день, хотя прошло уже более тысячи лет.

Моя семья, с которой я добрался до этого моря, укрылась в нише скалы на берегу, у самой воды. Такое убежище, найденное вчера, не в состоянии долго укрывать нас от холода и волн моря, несущих смерть; зато звери, которые охотятся по ночам, не могли забраться в нишу и полакомиться нашими телами. Вертикальная и сыпучая стена, возвышающаяся над берегом, надежно защищала нас, сидевших под ней, от хищников с одной стороны; с другой же море служило моей семье защитой. Когда все уснули, я поднялся на скалу в на-

дежде найти пещеру и заодно поохотиться.

«Слезай же! Сюда, по скале вниз к морю, быстрее. Смотри только, аккуратно, нас чуть не засыпало осколками. Постарайся не сбрасывать камни и не сыпать песок нам на голову, – крикнул мне брат. Раздавшийся голос заставил меня испуганно вздрогнуть, нога сбросила камень – и он, ударившись о скалу, на которой я стоял, увлек за собой груды осколков, и они с шумом обрушились в море, подняв брызги. Мое убежище, а это небольшая яма в скале, нависшей над морем, – обнаружено. Я посмотрел вниз: волны пенились, разбиваясь о скалу. – Сзади саблезубый!».

Я обернулся: улыбается, тварь зубастая. Двигаться я не мог, ему хватит мгновения, чтобы зарезать меня. Пошевелив ногой, я сдвинул камень, который, покачнувшись, ушел из-под ног и полетел под землю, и я провалился вслед за ним. На голову полетели осколки камней. Закрывая голову руками, я проваливался в яму. Она оказалась не очень глубокой – я не разбился, но достаточно глубокой, чтобы меня не смог достать своей лапой саблезубый. Весь день просидел в яме, а надо мной стоял зверь, он ждал.

Находясь на охоте, я сижу в яме и высматриваю птицу или собаку, рыскающую по побережью в поисках яиц. Я охотник, и звери – мои жертвы, ведь они не знают, что я – их смерть. Сегодня я из охотника превратился в добычу; как же так, ведь морской ветер, смешиваясь с любым другим запахом, поглощает его в себе, а саблезубый все же учуял меня и при-

шел поохотиться. Сколько усилий потратил – и все оказалось напрасно, а ведь был такой хороший замысел: до утра пере- сидеть в яме, потом выйти и, пробравшись мимо пещеры, из которой вчера днем доносилось рычание, пройти по побе- режью в поиске убежища.

Мы теперь выживем, думал я, сидя в яме: море – это рыба; земля, покрытая травой, а не ледником – это здоровье; теп- лый воздух, а не обжигающий и пахнувший смертью ледяной ветер гуляет здесь; птицы, звери и грызуны – все мы можем найти здесь приют, и это даст возможность лакомиться мя- сом и не умереть. Сейчас нужно сидеть и не двигаться, пока саблезубый не уйдет, и я вспоминал, чтобы отвлечь голову и тело от ненужных и опасных движений.

Год за годом перед глазами серый лед, снег и смерть. Жи- вотные, птицы и человек в этой ледяной пустыне гибли от холода и голода, а встретив такое же живое существо, как са- ми, убивали его, чтобы поесть. Сегодня мы можем себе поз- волить не убивать людей, а спасать им жизнь. Люди за время странствий по ледяной пустыне почти вымерли, а выжившие разбрелись по всей планете, но я уверен, что к этому морю придут семьи и просто одинокие люди. Все хорошо, но сего- дня я наследил, пока взбирался на скалу, и теперь вонючее, мерзкое дыхание саблезубого касалось моей головы и обжи- гало ноздри. Странно, но я мог сидеть в этой яме хоть до утра, ожидая, когда уйдет саблезубый, и при этом не замерз- нуть.

Когда мы бежали от смерти по льду в лютые морозы – и уже не было сил двигаться, а остановившись, мы должны были обязательно умереть, я думал и мечтал; но человеческому телу необходим отдых. Чтобы не замерзнуть, нам оставалось одно средство: убив крупного зверя, желательно, медведя, спрятаться от холода у него в брюхе. Отец так и делал: он вспарывал убитому зверю живот – и мы, еще малыши, вползали в его теплую утробу, чтобы согреться. Когда же тело зверя остывало, поев мяса, сколько могли, мы продолжали идти вперед в поисках земли. Движение – это жизнь, а сидя на одном месте, дождешься медленной гибели. Шкура убитого медведя согревала и берегла от холода в дороге. Солнце же только могло освещать нам путь, но его ледяной свет не мог согреть наши тела.

Сейчас, когда я смог победить смерть, над моей головой навис кровожадный саблезубый, он разлегся на скале в предвкушении легкой добычи и издает довольный рык. Зверь ждет, когда я вылезу из ямы, но, когда солнце стало опускаться, саблезубый ушел на охоту. Я выбрался из ямы и, спустившись к берегу моря, остановился, раздумывая, куда же идти дальше, где искать надежное убежище. Я пошел к песчаному берегу, что лежал справа от скалы, на нем я нашел еще одну яму, она была узкая и глубокая. Звериного запаха не было, а тянуло из нее сыростью и затхлостью пустоты. Я крикнул, но голос сразу исчез, его поглотила тьма. Лежа на животе и упираясь локтями, вполз в туннель. Яма была до-

вольно узкой, и я сперва не столько полз, сколько, выставляя локти вперед, сдерживал тело, чтобы не упасть, но все же продвигаться. Извиваясь, словно ящерица, я полз на брюхе с быстротой черепахи по извилистым лабиринтам, цепляя макушкой ракушки, густо наросшие на каменных стенах туннеля. В крошечной тьме, без воздуха, наощупь я почувствовал, что надо мной нет потолка и голову не царапает камень. Я поднялся – это была пещера.

Вернувшись на берег, я помог подняться на скалу своей семье, и мы пошли к песчаному берегу. Пещера просто огромная. Она в состоянии укрыть не одну семью, и от нее отходят такие же туннели, как тот, по которому полз я. Словно червь, огромный и ужасный, вырыл себе нору и вернется сюда рано или поздно. Пещера стала нашим домом.

Мы учились ловить рыбу, подсматривая, как это делает медведь. На берегу подбирали ползающих крабов; собирали под камнями копошившихся моллюсков; видели места, где лежали груды раковин, собирали густо растущие под водой мидии с изумительно вкусным мясом внутри; находили яйца птиц, их на берегу было бесчисленное множество. Берег был песчаный, а за прибрежной полосой лежала степь; за степью стоял лес, а там зверья много и азарт охоты охватил меня. Сутками я блуждал и учился охотиться, лес манил своими звуками, но пугал дикостью и величием.

Так человек попал в пещеру. Когда же это произошло? Более десяти тысячелетий назад завершилась эпоха послед-

него великого оледенения. Все это время громадный ледяной панцирь, тая, отступал на север, оставляя гряды из нагромождений камней, глины и песка, а за ним неотступно шел человек.

Я со своей семьей жил в пещере, теперь моя семья выросла, многие люди, не найдя пристанища, поселились вместе со мной в большой пещере. Ловить рыбу и собирать яйца птиц нужно днем, этим занималась моя семья, а я научился охотиться по ночам: собаки, волки, грызуны выходили в степь именно по ночам. Каждый день приходили к нашему стойбищу такие же люди, как и ясам; добравшись к морю, они находили себе жилье – маленькую пещеру или яму вдалеке от моря, обживали ее и оставались. Я почти всех знал по именам, но близко к ним не подходил: они чужие и я не мог им доверять. Сегодня утром я вышел и осмотрелся.

Разумеется, меня охватил страх. Тот, кого я увидел, шел ко мне и говорил, но что? Я никогда не видел такого красивого лица, никогда не слышал таких интересных звуков. Они не были похожи на тот гортанный вой и мычание, к которому я привык и пользовался сам. По интонации таких звуков мы понимаем друг друга. А здесь? Все, что непонятно, сразу вызывает агрессию. Этот же человек, а это был человек, вызывал любопытство, но не злил меня. Я не видел ничего подобного, и мне показалось, что мы даже похожи.

У меня не было обезьяньей шеи, как у соседа, я не обладал коренастой фигурой с кривыми и как дерево крепки-

ми ногами, такой же человек стоял сейчас напротив меня. Я был гибкий и быстрый – это всегда меня спасало. Мог бегать во всю прыть, пригибая голову, обходя препятствия и держа палицу над землей, чтоб лучше сохранять равновесие, ведь силой меня природа не обделила. Сейчас хотелось есть – и чужой меня перестал интересовать, потому как, придя к морю, я перестал охотиться на людей.

Я посмотрел вдаль, чтобы сосредоточиться на охоте и забыть о голоде, я раздул ноздри и принимаюлся. Сразу же был вознагражден новым запахом – и повернул голову в сторону от чужого, туда, откуда шел запах. На голове ощутил капли воды, падающие с неба. Ярость закипела во мне, так всегда бывает во время дождя, ведь он мешает охоте, пряча следы и смешивая запахи; ну вот, все запахи зверя куда-то пропали, зато я уловил запах соседей, они прошли по тропе, уходящей на скалу. Ищут еду, подумал я, и, едва вспомнил о ней, как голод стал брать меня в свои тиски и захотелось завывать. Мой взгляд был устремлен на скалу. А где этот незнакомец? Я обернулся, но он пропал. Я вбежал на скалу, распластался на снегу за камнем, цепляясь за его шероховатости пальцами рук, и осмотрелся.

Страни верещала, лежа на дне оврага и царапая себе лицо, Иний скулил, покусывая руки. Все сбились в кучу, мужчины испуганно толкали перед собой женщин, торопясь уйти со скалы. Люди побежали, тяжело дыша и мотая головами. Я почувствовал, что мои ладони вспотели от напряжения. Ста-

руха встала на колени и указала рукой в сторону моря, никто ничего не понимал.

«Здесь ледяная женщина», – прокричала старуха – и этот крик, перемешанный с воплем, не понять было невозможно. Я поднялся и закричал: «Ай-я! У-у-у!»». Люди подхватили мой крик – и немного успокоились. Ледяная женщина свисала со скалы и от криков не упала, хотя смертоносные струйки дождя стекали с нее. Люди замолчали и поспешили прочь от ледяной женщины. Они подошли к уступу скалы и ждали меня, подняв головы и следя за каждым моим движением. Я, не спеша, спускался со скалы, справа от нас тянулась долина, она пролегла между нагромождениями валунов и морем, а солнце, отражаясь на снегу, пламенело и искрилось в глазах. Никто, кроме меня, пока не ходил через долину в степь, люди боялись выходить на открытые земли. Вдалеке виднелись проталины и какие-то растения, а это – тепло и охота. Надо дать людям надежду, подумал я. Лед уходил, слегка лишь удерживаясь за вершины невысоких скал. В долине, в степи и у моря снега уже не было, и вода стекала в море звонкими ручьями, а в степи я видел собак, саблезубых, хорьков, гнезда птиц. Мы с братом выходили в степь – и не стали добычей зверя, а сами убили нескольких собак, сняли с них шкуры – и женщинам теперь было, во что одеться.

Люди с шумом расположились у скалы. Нот с размаху опустил палицу, согнул колени и принялся. Собаки ушли, хотя запах еще оставался, и мужчины расслабили мышцы, ле-

ниво сделав несколько шагов вверх на скалу. Под косыми лучами солнца легли их тени. Охотник повернулся к старухе и подавил свой кашель. Страни, все еще стоя на коленях, положила в центре отлога глиняный шар и, вскрыв его, распластала и пригладила его поверх прежнего, слежавшегося на земле оранжевого слоя. Она склонила над глиной лицо и дунула. В глубине отлога были сложены сучья, палки, кучи мха, оттуда Страни и взяла немного травы и сучьев. Все это уложила на распластанной глине – и снова подула. Старуха подняла голову и, посмотрев на меня, встала с колен и отошла к людям.

Я и сам знал, что все голодны, а спать лучше сытыми и в тепле. Я поднял камень, он был не очень тяжелым и острым только с одного конца, этим камнем можно убить или срезать траву, а можно ломать толстые сучья. Камень удобно лежал в руке, когда я размахивал им, показывая, как нужно убивать или рубить сучья и, не останавливаясь, ушел в степь, чтобы по дороге срезать веточку с листьями и принести людям. Всех охватила волна радости, когда я вернулся, а тут с моря подул теплый ветер, и старуха запрыгала на месте, приптывая и завывая.

«Здесь мы будем жить и никуда больше не пойдем. Завтра мы найдем еду для всех семей, дошедших сюда, убьем зверя или наловим рыбы в море», – сказал я, вернувшись к скале.

Веточка, которую я принес, была с выпученными, вздутыми и причудливо искривленными ростками и напоминала

толстобрюхое животное.

Солнце скоро утонет за скалой, пора возвращаться.

Голодные, но все же счастливые, мы вернулись в катакомбы и пещеры. Каждая семья унесла с собой сучья, хворост, сухую траву и мох, собранный на скале и высушенный на солнце. Дневной свет померк, и нас освещал и согревал огонь, а это – еще одна теплая ночь, и может, к утру никто не умрет. Тепло огня и запах дыма услаждали наши души и грели сердца. Огоньки дружно плясали, отражаясь в наших глазах, и я от удовольствия поджал пальцы ног, растопырил руки и слегка отодвинулся от огня. Там, наверху, слышны звуки жизни, для нас опасной и тревожной. Здесь же, в пещерах, мы в безопасности, пока звуки не обманули нас. Слух ночью – это жизнь, услышал шорох – и жив остался. Нужно различать звуки рассохшейся глины или шум уходящего ледника. Среди этого гама попробуй услышать легкую кошачью поступь саблезубого! Я вскочил, мои уши уловили шаги, но это была не кошка, это шел человек, он уже зашел в пещеру, когда мое тело отреагировало на опасность, покрывшись холодным потом. Саблезубый не смог бы подкрасться так тихо и незаметно. Бежать было поздно, и я поднял дубину, приготовившись к драке. Женщины выхватывали из костра горящие палки, а в пещеру вошел мой утренний незнакомец и остановился. Впервые я смог прочесть мысли, которые возникли у меня в голове, но мне не принадлежали. «Будущее не всегда опасно», – услышал я сам себя. «Незна-

комец появился у нас совершенно беззвучно для меня, как всегда бывает при появлении тени от облака», – такая мысль пронеслась в моей голове.

Я отказываюсь верить собственным глазам, тщательно рассматривая его, сердце бешено заколотилось в моей груди – этот чужой не похож ни на одного человека, которого я когда-либо видел в своей жизни. Тот, на кого я смотрел, мало напоминал мне сородичей: ни суровых ногтей на пальцах, ни единого волоска на тыльной стороне ладони, на лице нет морщин и грязи. Он улыбнулся, я никогда не видел таких зубов – белых, как кость мамонта, аккуратных и ровных, ни одного обломанного и черного зуба. Я спросил себя, не снится ли мне все это, может, это моя смерть? Со мной уже было такое. Моя косматая голова опустилась, а с волос ссыпался песок. Он кивнул. В каждом его движении было изящество кошки, но по лицу нельзя было определить, добр он ко мне или зол? А я всегда мог определить по глазам, по напряжению скул, движению бровей, рта, чего ожидать. Первый взгляд, брошенный из-под лба, нависшего, словно утес, над моим лицом, на человека предо мной, говорил мне, нападать или защищаться. Мы могли убить его, но я стоял и не нападал, брат и женщины смотрели на меня – и тоже не двигались с места. Разум пробудился от дремоты – и каждый самостоятельно мыслил. Напасть на него я уже был не вправе. Семья ждала моего решения, и я с трудом поднял руку в знак приветствия, а не агрессивности. Это был не сон.

Мелик, мой брат, уже обсох после дождя, и шкура его ершилась. Со вздыбившейся щетиной, он сделал шаг вперед, скользнул коленями по воздуху и свалился. Брат попытался подняться и растопыренными пальцами скреб глину под собой, но силы оставили его. Незнакомец подошел и приложил руку к голове Мелика, достал из-под шкуры зерна какого-то растения и, растерев их в своих ладонях, раскрыл брату рот и высыпал в него. Мелик недолго пожевал и, повернувшись на бок, затих и уснул. Незнакомец стал пододвигать тело брата к огню, и я помог ему. Жар окатил меня, а брат, вновь проснувшись, закашлял и затрясся, казалось, что кашель выпрыгивает у него из груди без удержу. Тело его сотрясалось, и он никак не мог перевести дух. Незнакомец дал ему напиться, стал растирать грудь, разминал мускулистую шею, но ничего не помогало. Мелик вздрагивал, язык его вывалился. Незнакомец достал еще зерен, насыпал в череп, налил в него воды и, сделав отвар, напоил брата. Сел рядом с костром и, положив голову Мелика себе на колени, долго тер ему виски. Наконец брат затих, свернувшись калачиком.

Будь жив отец, он бы сказал, что Енох молится своим богам, а какие они у него, он не сможет ответить на этот вопрос даже самому себе. Теперь, когда брат умирал, Енох вспоминал своих ледяных богов. Как давно верили и молились им люди его семьи, а семья у него была большая. Енох слышал только родительские рассказы о богах – и воспоминания захлестнули душу. В древние времена мои предки пришли

из чудесной страны, вспоминал Енох голос отца, где много больших и зеленых деревьев, где нет голода и огромное озеро. «На берегу этого озера и жили твои предки, Енох», – рассказывал отец. Озеро высохло – и все живое погибло. Семья ушла на земли, где росли другие деревья – тонкие и серые, на той земле обитали небольшие и злые звери, одетые в шубы; а там, на озере, таких животных не было, звери там жили большие и с голой кожей, а деревья были огромные и зеленые, небо же – голубое и прозрачное. Теперь, говорил отец, там раскаленный песок и нет жизни, и он давно не видел голубого неба над своей головой.

Енох помнил только ледяных богов, они жили в темной, почти черно-синей глыбе льда. Великими ледяными горами они выходили из темных недр и шли по земле, убивая все живое. Лед нависал над людьми высотой с сосну и полз, ужасая и давя всех живых. Лед был темный, почти черный, а когда боги начинали разговаривать, он трещал и стонал, а боги сердились и двигали лед вперед. Скалы, деревья, реки – все заросло льдом. Кто же они, эти боги, и какие? Енох не знал этого, но вся семья молилась о спасении жизни, о еде и тепле, обращаясь к этим ледяным богам. Знал Енох лишь одно: власть их безгранична и всемогуща. Богов нужно страшиться и поклоняться им, как молились на них дед, мама и отец. Еноху иногда казалось, что он видит кого-то из них – огромное призрачное видение в человеческом облике, которое медленно двигается по леднику. По временам случалось,

что боги подходили к самой хижине, где жила семья, и тогда слышался их смех. Страх смерти заставлял семью убегать от нависающего льда все дальше и дальше на север.

Иногда, когда им удавалось оторваться от преследования, Енох думал, что боги – это сказка, а то, что называют их голосами, просто шум льда, ломающегося от морозов и оттепелей. Ведь не боги спасали их семью от смерти, а отец с дедом.

Енох иногда выходил на лед один, без взрослых, всматривался в глубину льда и, когда солнце пронизывало его своими лучами, он видел спящего бога. У него был узкий лоб и дырки вместо носа, выпученные глаза и фиолетовые губы на огромной и лысой голове, за которой громоздилось необъятное туловище серо-голубого цвета. Без сомнения, это был бог, хотя бы уже потому, что никто и никогда не видел подобного существа. Этот бог был его богом, ну, еще брата; ни мама, ни отец, ни дед его не могли увидеть. Брат однажды спросил:

– Ты смотришь на мертвеца, замурованного во льдах и молишься ему? Почему? Разве он тебе помогает? Может, это просто какое-то животное, давно вмерзшее в лед?

– На животное не похоже, больше – на человека, страшного и странного, – отвечал Енох.

Брат считал богом огромного мамонта, в начале ледниковой эпохи попавшего в лед и за тысячи лет принесенного сюда ледником из мест, где сейчас нет жизни.

Стал он богом только потому, что ледник сам создал этого мамонта – и тот растет внутри ледяного мира вместе со льдом. Наша семья шла на север, так хотел отец. Нужно идти на север, к морю, так считали и старейшины племени, в котором жила некогда наша семья, они рассказывали об огромном и соленом озере, которое непременно нужно найти. Старейшины, как и весь народ племени, погибли, в этом были уверены взрослые, а выжил ли хоть кто-то из нашего племени, мы не знали. Мама хотела вернуться обратно на наше пресное озеро: может, туда вернулась прежняя жизнь, и сейчас там нет раскаленного песка, а, как всегда, прохлада от деревьев и тепло от солнца, рыба из озера и мясо животных из леса. «Помните? – спрашивала она. – А здесь мы погибнем от мороза и голода».

– Нет там ничего, – ответил дед.

Отец ломал деревья, обрывал кору и вязал такими веревками стволы друг к другу. Мы садились на эти сани, и отец с дедом тянули по снегу и льду нашу семью к морю. Закон семьи гласил: управлять должен сильнейший – и нашей семьей руководил отец. В ту ночь мы шли вдоль подножья ледяного холма и вошли в ущелье. Нам нужно к ночи пройти все ущелье и выйти к долине во что бы то ни стало. Если будет перепад температур, а мы будем идти под нависшими над нами ледяными глыбами, то лед сдвинется с места и раздавит нас в этом ущелье. Мощная стена грязного льда сверкала в лунном свете и заполняла расщелину от края и до края. Лед

был шириной в пятьсот шагов, и вот уже эти пятьсот шагов позади.

– Поживем здесь, – сказал отец, – сейчас отдохну – и пойду поищу еды.

Отец уснул, и Енох помнит, как они с братом убежали, чтобы добыть еды для родителей и деда. Мы взобрались на ледниковую гору, чтобы осмотреться.

– Земля! – крикнул брат.

Я обернулся: до клочка земли, на котором рос кустарник, можно было добросить копьё. Подул ветер – и принес удушливую вонь, но она порадовала нас, там был зверь, а значит, еда и тепло. Ледяные скалы – это нагромождение – одна на другую – смерзшихся между собой глыб льда. Мы с братом оторвали одну из таких глыб на вершине скалы, когда услышали рык. Медведь, а это был он, учуял нас и карабкался вверх, цепляясь когтями за расщелины.

Он был огромный, и его рев сжимал страхом наши сердца. Тело дрожало, а мысли метались от желудка к пяткам. Медведь уверенно поднимался наверх, и каждое его движение приближало нашу смерть. Непослушными руками мы подтащили глыбу, оторванную нами от скалы, к краю пропасти и столкнули ее. Дробя лед, глыба понеслась навстречу медведю. Из-за мелких осколков льда, поднимающихся и застилающих взор, мы не видели и даже не слышали, как глыба столкнулась с медведем. Грохот от лавины льда был оглушительный. Крупинки льда, наконец, осели, под скалой лежал

медведь с вывернутой шеей, он не двигался. Тушу медведя покрывали осколки льда и снега. Брат стал спускаться вниз, а я поспешил к нашей добыче.

– Как мы его потащим? – спросил брат.

– Я побегу за отцом, и мы разделаем его прямо здесь. Мелик остался у медведя, а я побежал за отцом. Шуба, мясо, кровь, жилы, потроха – это жизнь, сытость и тепло. Дед перестанет над нами насмехаться, ведь мы стали мужчинами, охотниками. Издали я почувствовал тревогу, а там, где должен стоять шалаш, а в нем – спать отец, мама и дед, виднелась груда мусора, покрытого кровавым снегом. Куски тел были сложены в кучу. Я долго смотрел – и не верил своим глазам: эти куски мяса – мои мама, отец и дед. На время я ослеп от горя и страха.

– Мы его убили, и мы его съедим, – услышал я за спиной.

Брат нашел острые камни, копьё отца, и мы пошли за медведем.

Так погибла моя семья, а мы с братом продолжили путь к морю, на север, как хотели дед, мама и отец. Каждая семья добиралась самостоятельно – и это многих погубило. Здесь, у моря, мы должны стать одной семьей. Незнакомец прижился, и мы полюбили его, верили ему и слушали его советы. Он лечил нас и учил, как жить, чтобы смертей было как можно меньше, а детей выживало как можно больше. Незнакомца стали называться учителем, такое имя он сам выбрал себе. Мы слушали его сказки, не понимая, но веря в него, как в бо-

га. В костре хлопнула ветка – и в темноту посыпались искры. Учитель рассказывал сказку о времени: «Точка, маленькая песчинка расширяется и превращается в огромный шар, на котором мы сегодня живем. Люди моего мира жили в тепле и уюте, но он погиб».

Я верил ему, помня рассказы деда. Люди не болели и не воевали друг с другом, пока к ним не пришла огнедышащая смерть. Она высушила озеро, испепелила лес, сожгла жизнь зверей, тогда-то люди и ушли на север. Учитель достал из костра уголек и стал рисовать на стене пещеры цветы, деревья и животных с добрыми глазами. Я поежился: когда хочется есть, во мне живет холод.

Брат выжил, его спас учитель, и сейчас Мелик поднял вверх руку. Палец – за еду, палец – за дрова, остальные пальцы – за людей. Все молчали, болезнь подкосила брата, волосы на его голове поредели, длинная шерсть торчала клочками, под бровями обнажилась полоска морщинистой кожи в палец толщиной. Глазницы темные, и глаза провалились в эту яму. Глаза были мутные, желтые, но он был жив.

– Нужно много дров и еды, чтобы хватало всем, и чтобы семьи не дрались между собой за тепло и еду, – сказал брат.

– Для этого нужно учиться выращивать самим еду.

– Разве можно вырастить еду? Ее нужно убить, вырвать из земли или поймать в море! – возразил учителю брат.

– Я научу.

Костер давно догорел, и я предложил идти всем спать.

Завтра, когда взойдет солнце, мы, я надеюсь, будем сыты. Саблезубые охотятся ночью и часто упускают свою жертву, которая в конечном итоге погибает. Люди не раз находили погибших животных, которыми кормили семьи не одну луну. В мерцании костра люди задумались, обдумывая то, что каждый увидел в своем воображении. Брат говорил об учителе, представляя, что тот стоит на залитом солнцем лугу, а сам мерзнет ото льда под ногами и не признается в этом, рассказывая всем небылицы.

Все, о чем говорил учитель, медленно отступало и тускнело у меня в голове. Как можно выращивать еду, как обогреться, если нет дров? Я все равно ему верил, ведь только благодаря учителю и выжил брат, только благодаря его знаниям, как он их называет, родился мой сын – новый человек семьи, и жена осталась жива. Учитель учил нас рисовать зверей и небо, чертил крючки и палочки на стене пещеры.

– Завтра будет еда, спи, малыш, – проговорил я и погладил по головке сына своей каменной ладонью.

Люди расходились и зевали, учитель присел у стены пещеры, под своими рисунками. Мы с женой были счастливы: маленький человечек уснул и посапывал. Я смотрел на рисунки и думал о мире, который нас окружает. Учитель подошел ко мне.

– Какой красивый мир нас окружает, а я ничего этого не видел и не увижу никогда.

– Ты грустишь не потому, что голоден, а из-за того, что

мечтаешь. Это значит, что в тебе проснулась жажда знаний. Наблюдая, – говорил учитель, – человек собирал сведения об окружающем мире, запоминал, рисуя в своем воображении картины, там были звери, птицы, люди, а после переносил рисунки на стены. Ты, когда-нибудь пробовал так делать?

– Я не помню, закрывая глаза, вижу только грязный лед и кровавую снежную кучу, что осталась от моих родителей.

– Закрой глаза – и представь себе птицу на небе, нарисованную звездами, или мамонта – всего в светящихся точках, такие картины человек переносил в виде рисунков на стены пещер, оставлял после себя письма, отражающие его мысли и надежды. Учиться, нужно учиться, Енох, как всегда учился человек: наблюдая, запоминая, взвешивая. Воображение развивает фантазию – и появляются наскальные рисунки и письма, это те закорючки, которые рисую в пещере.

Каждый умерший человек, оставляя после себя рисунки, оставляет бесценные рассказы о себе для будущих поколений. Я передам тебе те знания, что хранятся во мне, они и есть мир и жизнь умерших людей, которые оживают во времени, если мы о них знаем. Мы можем даже посоветоваться с ними, например, как провести охоту сегодня. История, которой миллионы лет, оживает в рисунках на стенах пещеры.

Мои потомки, вы, в сущности, почти ничего не знаете о том, как выглядел человек, живший в ледниковой пустыне, но нет оснований предполагать, что мы были покрыты густой

шерстью, уродливы с виду или даже омерзительны в своем, непривычном для вас, облике: с покатыми и низкими лбами, с густыми бровями, с обезьяньей шеей и коренастой фигурой. Люди выглядели по-разному, расстояние в несколько километров друг от друга – это уже другая планета и другая жизнь. Катастрофа разбросала людей.

Неандертальцы – это не обезьяны, не животные и не косматые чудища без разума и души. Неандертальцы – такие же люди, как и мы с братом. Племена, которые смогли выжить в голодное время смертоносной зимы, но им просто не повезло. Те, кого вы называете неандертальцами, просто не встретили своего учителя и не научились выращивать еду, доставать камни из-под земли, добывать кровь земли и, поджигая, обогревать этим огнем свое тело. В таких племенах процветал каннибализм. Не найдя медведя в ледяной пустыне и не раздобыв огня, чтобы растопить снег и согреться, неандертальцы убивали друг друга. Так можно было накормить детей и напоить их человеческой кровью, потому как другой пищи просто не было. Неандертальцы погибли от голода, холода и невежества.

Учитель, рассказывая нам свои истории, просил нас поведать ему события, которые мы видели, потом записывал и зарисовывал наши рассказы, так была создана мифология исчезнувших для грядущих. Учитель верил в чудо и называл это магией; он научил нас выживать там, где невозможно выжить. Он описал, как узнать будущее по звездам и по че-

ловеческому телу. Научил говорить с умершими и объяснил, как пользоваться картой, что такое геометрия.

«Просьпайся, Енох, – разбудил меня учитель. Я вскочил и поклонился ему, и вспыхнуло лицо мое от страха перед увиденным. И сказал он мне: – Ободрись, Енох, и не бойся, Владыка вечный послал меня к тебе, в день сей восходишь ты со мной к миру и добру, к знаниям и любви, к свету и теплу. Природа, окружающая вас, так же болеет, как и вы, и ее необходимо лечить и беречь, как вы бережете своих любимых.

Я назову тебе, Енох, учителей, посланных Владыкой на Землю к людям. Странные имена у них: Армарос подарит вам знание, помогающее создать жидкость, делающую бивни мамонта ровными, а камень мягким и легким; когда же жидкость испарится, камень вновь приобретет свои прежние свойства и станет тяжелым и твердым. Обмазав верхнюю часть скалы жидкостью Армароса, вы, срезав верхушку скалы, сделаете стол, на котором, благодаря знаниям, подаренным Кокабелом, сможете лечить друг друга; благодаря Томелу и Астрадаву – кормить друг друга пищей, защищающей ваш желудок и умиряющей ваш дух. Записывай, Енох, – говорил учитель. – Мы выжили, не только спасаясь от холода, голода и болезней, но еще и благодаря поучениям Баракала: выжить – значит, уметь управлять своим разумом. Обращаясь к нему, как за советом, так и за командой для нашего тела, мы должны быть уверены, что поступком своим

не причиним вреда рядом живущим людям. Цепочка событий, вызванная нашими поступками, может погубить наши же семьи».

С тех пор, как мы пустились в это путешествие к северу, единственными людьми, с которыми я общался, была моя семья. Теперь же я слушаю учителя и могу разговаривать через него со всеми мудрыми слугами Вседержителя и нашими учителями.

Уходя от ледника, мы спасались семьями. Каждая семья выбирала свой путь спасения. Кому повезло, и он мог слышать учителей и следовать их слову, у тех появлялся шанс спастись. Учителя Армароса, Баракала, Кокабела, Амезарака, Темела и Астрадава уговаривали людей продвигаться на север, идя за отступающим ледником и ориентируясь по звездам, избегая смерти от зверей, болезней и сумасшествия голода, двигаться прямо, а не кружить на одном месте. Вот, оказывается, кто убедил отца идти на север к соленому озеру. Наши знания – это мудрость учителей, и теперь я могу рассматривать мир в своем воображении и обдумывать, что полезно, а что красиво или вредит семьям. Нам предстоит научиться жить, а не просто выживать.

Пробираясь на север, люди оставляли за собой камни с рисунками и письма. Все это в надежде, что выживут, а если нет, то эти рисунки расскажут их историю.

Знания, а это были знания о нас, единственных выживших, мы прятали в пещерах и катакомбах, а людей, знающих

месторасположение этих знаний и передающих эти знания каждому следующему поколению, называли хранителями истории. Они умирали от старости, погибали в войнах, их убивали мародеры, но они оставляли после себя знаки, рисунки с пояснениями, чтобы люди могли воспользоваться этими знаниями. Столетия сменяли друг друга – и знания ушедших цивилизаций все глубже прятались в землю и все глубже погружались в море, но есть катакомбы, ведущие в глубь веков. Ледник уходил, жизнь возвращалась, время неумолимо летело вперед.

Я ежился от сырого воздуха, плотнее закутывался в ткань, напоминающую плащ, и писал на камне жидкостью Армароса, а тот плавился под этой жидкостью. Так на стене пещеры, скрытой под песчаным берегом моря, давшей приют людям, отныне и до века ставшей домом для человека, появилась надпись «СЛАВЯНЕ». Так нас называли учителя, так они называли друг друга. Язык этот стал нашим, а их заветы – наша жизнь. Я должен сохранить знания и передать другим, тем семьям, которые не смогли встретиться с учителями, но кто смог выжить и дойти к этому морю.

...Меня зовут Енох. Я один из выживших и хранящих в себе знания. Знания необходимо записать с помощью знаков – это буквы. Я умею складывать из них слова и писать, дабы всегда обращать к ним свой взор для напоминания и просвещения детей наших. Я начертил на стене «Славяне». Здесь будут храниться знания.

И показал мне учитель хранилища снега и льда и грозных ангелов, охраняющих кладовые мира. И показал мне там и хранилища облаков, откуда они выходят и куда входят. И показал мне сокровищницу влаги, подобной злаковому маслу, и ангелов, хранящих сокровища эти, а вид их – что весь цвет земной.

И показали мне учителя, и поставили меня посреди рая. Место то несказанно прекрасно видом: всякое дерево благоцветно, и всякий плод зреет, и всевозможные яства изобилуют, всякое дуновение – благовонное. И четыре реки протекают там покойным течением. И все, что рождается в пищу, прекрасно. И древо жизни на месте том, и на нем почивает Владыка, когда приходит в рай, и древо это невыразимо прекрасно благоуханием. И рядом другое дерево – в цветах, источающее постоянно масло. И всякое дерево благоплодно, и нет там дерева бесплодного. И все место благовонно. Силы, охраняющие рай, прекрасные весьма, благим пением своим служат Миру непрестанно во все дни. И сказал я: «Сколь чудесно это место!». Отвечали мне учителя: «Место это, Енох, уготовано праведникам, которые претерпят напасти в этой жизни, и душам которых причинят зло, и которые отвратят очи свои от неправды и сотворят суд праведный: дать хлеб алчущим, покрыть нагого одеждой, поднять падшего, помочь обиженным; которые пред лицом Мира ходят и ему одному служат, – тем уготовано это место в наследие вечное, это первая сфера нашего Вседержителя.

И взяли меня оттуда учителя, и вознесли меня на север неба, и показали мне там место страшное весьма: всякая мука и мучение на месте том, и тьма, и мгла, и нет там света, но огонь мрачный разгорается всегда на месте том, и река огня растекается повсюду; и лед холодный, и темницы, и ангелы лютые и неистовые, имеющие оружие и мучающие без милости.

И сказал я: «Как страшно место это!». Отвечали же мне учителя мои: «Это место, Енох, уготовано нечестивым, творщим безбожное на земле, тем, которые занимаются колдовством, клеветуют, похваляются делами своими и тайно крадут души человеческие, и вершат дела по своей воле, и тем, которые богатеют в ущерб жизни чужой, и тем, кто уморил голодом алчущего, не захотев насытить его, и совлекли последнее с нагих, а не одели их. Они не poznали Творца своего, но поклонялись кумирам суетным, создавая идолов и поклоняясь рукотворному. И всем тем уготовано это место в достояние вечное. Это пятая сфера нашего Владыки.

И подняли меня учителя на четвертое небо, и показали мне там движение солнца и месяца, и все лучи их. И измерил я путь их, и рассчитал свет их, и увидел я, что в семь раз больший свет имеет солнце, нежели месяц. Видел же круг их и колесницы, на которых ездит каждый из них, подобно тому, как ходит ветер, и нет им покоя: и днем, и ночью уходят они и возвращаются. И четыре звезды великих высятся справа от колесницы солнца, и четыре слева от солнца – все-

гда. И ангелы движутся перед колесницей солнечной, и духи летают, двенадцать крыльев у каждого ангела, что мчат колесницу солнца, неся влагу и зной, когда повелит им Владыка сойти на землю с лучами солнечными. Это четвертая сфера нашего Владыки.

И отнесли меня мужи на восток неба, и показали мне ворота, из которых выходит солнце в положенное время на протяжении месяцев года – и при уменьшении, и при прибавлении дня. И подняли меня учителя на запад неба, и показали мне там шесть великих ворот раскрытых, в которые заходит солнце по совершении кругового движения по небу из восточных ворот; сообразно тому, из каких восточных ворот восходит, и числу дней – так же заходит в западные ворота. И когда проходит солнце через западные ворота, берут четыре ангела венец его и возносят к Владыке, а солнце поворачивает колесницу свою и идет без света, и возлагают на него венец (у восточных ворот). И показали мне такой порядок движения солнца и ворота, которыми оно восходит и заходит, – эти ворота сотворил Владыка сфер и жизни всякой. И солнцу смену времен в году указал Вседержитель.

А лунный порядок другой. Показали мне весь путь луны и все круговое движение ее, и показали мне учителя врата, и указали двенадцать ворот на востоке, и показали мне окружности движения луны, по которым восходит и заходит луна по установленному времени.

Посреди же неба я видел воинов вооруженных, служащих

Владыке непрерывным звучанием сфер небесных, и наслаждался, послушав их.

И сказал Вседержитель Амаросу: «Возьми Еноха, и сними с него земные одежды, и умасти елеем благим, и облачи в ризы славы». И снял Амарос одежды мои с меня, и умастил меня елеем благим. И вид этого елея ярче света великого, и умощение им – словно росой благой, и благоухание его подобно мирре, и лучи, от него исходящие, – как лучи солнечные. Оглядел же всего себя: стал я, как один из славных учителей моих, и не было у нас различия по виду.

И сказал Владыка: «Вселенная состоит из галактик, галактики – из систем звездных и звезд ярких. Записывай, Енох. Знать люди должны о Вселенной, и знания эти помогут человеку или погубят его. После, Енох, все поймешь, а сейчас слушай и записывай. Вселенная живет, развивается и дышит, и от дыхания этого зависит жизнь всех живых существ на вашей планете. Жизнь Вселенной, как и жизнь человека, подчинена определенным законам, и об этих законах ты узнаешь сейчас.

Вы, люди, являетесь очень разумными существами, пожалуй, самыми умными во Вселенной, и должны знать законы, по которым живет и развивается Вселенная, и от которых зависит все, что вы называете временем жизни человеческой.

Наблюдая за Вселенной, вы будете изучать ее и должны знать, как это делать, чтобы не разрушить Вселенную, ее мир. Человек может принести смерть Вселенной, смерть сво-

ей галактике, смерть своему светилу Солнцу, смерть своей планете Земле и самому себе. Можно, изучая, созидать, а можно, изучая, разрушать. Закон, давший жизнь Вселенной, также создал жизнь и на Земле, в небе над Землей и под Землей. Узнав и поняв законы Вселенной, вы должны понять истину своего предназначения на планете Земля и познать свои возможности. Я предупреждаю вас, что, приди вы к неверным выводам о месте человека во Вселенной – и все человечество погибнет и потянет за собой в ад всех живых существ планеты Земля и вашей галактики. Следуя же законам жизни Вселенной, а не сопротивляясь им, человечество продлит себе срок жизни, познает свой разум, его возможности и свою душу.

Человек живет, а значит, двигается по земле. Он может идти вперед, сделать шаг в сторону или, развернувшись, побежать вспять, а может подпрыгнуть вверх или сбежать с горы и, бросившись в океан, поплыть. Человек, таким образом меняя направление своего движения по земле и на воде, преследует определенные цели, поставленные перед его телом его же разумом, мыслью, которая пришла к нему, как решение сиюминутной задачи. Все действия человека направлены на улучшение или сохранения гармонии его жизни. Познав законы Вселенной, человек сможет управлять направлением и скоростью движения времени – пространства своей жизни, которое также зависит от направления и силы его мысли. Человек сможет менять скорость течения своего вре-

мени – ускорять или замедлять ее, а значит, уходить в прошлое или будущее. Жить тысячи лет и не стареть.

Движение света всегда направлено от Солнца к Земле; движение времени жизни человека направлено от его рождения к смерти. Изменяя направление силы и скорость движения времени жизни своей, человек сможет преодолевать огромные пространства на планете Земля за одно мгновение и не причинить при этом ни себе, ни природе никакого вреда.

Люди захотят узнать порядок событий, который лежит в основе их мира, и такое стремление будет вознаграждать человеческий разум знаниями, которые раскроют перед человеком этот порядок мироздания.

Солнце держит все подвластные ему планеты своим притяжением, и Земля питается теплом и светом Солнца и притягивает все, что находится в небе над Землей, все, что находится на Земле, все, что находится под Землей. Полет лучей Солнца – это движение жизни, движение времени жизни на планете Земля. Тело человека, как и все, что подвластно силам человека на Земле, может передвигаться по планете со скоростью света, ибо человек и есть свет, и он может раствориться в себе подобном. Лучи Солнца перенесут его тело в то место на планете, которое укажет его мысль, куда влечет его собственная душа и разум. Каждая мысль человека ведет к событию в его жизни, а оно влияет ровно, как на его будущее, так и на его прошлое.

Все события во Вселенной и на Земле взаимосвязаны и неразрывны. Любое событие в жизни человека вызывает божественную силу, размеры которой зависят от доброты поступка человека. Сила эта рождает волну, как камень родит волну в озере, и волна сия несется одновременно в будущее и прошлое человека, расширяясь и отдаляясь от него на земле и во днях его бытия, унося тело человека в будущее его или прошлое. Люди, стоящие рядом с человеком, которого унесла моя сила, даже не заметят исчезновения брата своего, а когда тот вернется, разговор продолжится, как ни в чем не бывало. В будущем или в прошлом человек проведет года, когда как в настоящем пролетят лишь мгновения.

Каждый человек – это целый мир, существующий внутри мира живых существ Земли, и все эти миры подчиняются законам Вселенной. Каждое живое существо имеет свой собственный масштаб времени, свою скорость в этом времени, и за последствия события, которое произошло по инициативе этого существа, оно отвечает передо мной самостоятельно.

Время, отпущенное мной человеку для жизни – это возможность для деяний, которая под воздействием поступка человека растягивается или сжимается, меняя судьбу совершившего деяние. Время жизни человека, совершающего поступки, увеличивается или уменьшается, а значит, дышит, так же дышит и Вселенная; и от этого дыхания – равномерного или затрудненного – зависит жизнь или смерть Вселенной, Земли и человека. События в жизни человека меняют

не только характер жизни самого человека, его друзей, родственников, они меняют душу человека, а значит, и будущее всего человечества и всего сущего на планете Земля.

Ваша галактика – это одна из сотен тысяч миллионов галактик, которые находятся во Вселенной, и каждая такая галактика содержит сотни тысяч миллионов звезд, а значит, такое же количество миров, зависящих друг от друга и от результата одного единственного события, совершенного на маленькой планете Земля, в крошечном ее уголке, и совершенном одним человеком.

Ты видишь свою галактику, она имеет сто тысяч световых лет в поперечнике и медленно вращается. Звезды вашей галактики находятся в спиральных рукавах галактики и делают один оборот вокруг своего центра в течении нескольких сотен миллионов лет. Ваше Солнце представляет собой обычную желтую звезду средней величины. Для всех звезд существует одно характерное свойство, которое важно для живых существ галактики – это цвет идущего от них свечения. Цвет сияния звезды отражает ее температуру. Сравнив цвет сияния разных звезд, человек сможет определить, где и в какой из галактик есть жизнь.

По цвету свечения можно определить, отдаляются другие галактики от вас или приближаются. Если отдаляются, то вы будете видеть красное свечение, если приближаются, то фиолетовое. Движение галактик – это движение Вселенной; если галактики будут от вас удаляться, то может наступить вре-

мя, когда это движение остановится и расширение галактики перейдет в сжатие. Галактики же, приближаясь друг к другу, собирают в пространстве между собой энергию огромной силы, и чем ближе они приближаются друг к другу, тем огромнее эта сила. Такая сила в состоянии уничтожить все живое и неживое, убить звезду, дающую свет, тепло и саму жизнь. Сила эта способна взорвать мир звезд – и тогда наступит время апокалипсиса, геенны огненной, охватившей все живое.

Однако, если скорость отдаления галактик друг от друга превышает скорость света, то сила притяжения планет друг к другу будет постепенно ослабевать до остановки движения, а значит, и гибели не произойдет. Когда миры отдаляются друг от друга, то Вселенная расширяется и происходит вдох – ее грудная клетка расширяется. Пока Вселенная делает вдох, жизнь не погибнет и на планете Земля. Цвет свечения галактик зависит и от человека, от него идущей волны, которая способствует вдоху Вселенной, – и цвет ее красный или, если ее сила направлена на сжатие к сближению галактик, а значит, к смерти, то цвет ее фиолетовый.

Мы опустились на Землю, и я услышал шум, он приходил из-за атмосферы. Его звук усиливался тогда, когда лучи Солнца летели на Землю из-за горизонта, потому что свет, проходя через очень плотные слои атмосферы, которая отсекает смертоносные лучи Солнца и пропускает на Землю жизненно важные лучи, издает такой звук, так атмосфера за-

щищает жизнь на планете Земля. Шум этот одинаков и днем, и ночью, несмотря на то, что Земля вращается и вокруг своей оси, и вокруг Солнца одновременно. Это значит, что источник звука находится за пределами солнечной системы и даже за пределами галактики. Шум – это вдох Вселенной, и он одинаков для всех миров Вселенной, для всех звездных систем Вселенной, для всех живых существ Вселенной, созданной Вседержителем.

Вселенная не бесконечна в пространстве, хотя само пространство не имеет границ. Притяжение Земли для человека настолько сильно, что пространство человека, в котором он пребывает, искривляется и, замыкаясь само с собой, образует божественную дорогу, по которой человек перемещается по своей планете, не сталкиваясь с непреодолимыми препятствиями.

Пространство, в котором проживает человек, и время жизни его бесконечно во все стороны: в прошлое или будущее – во времени, в другие земли или моря – в пространстве. Но существует и конец пространства времени, это точка, конечная цель, к которой стремится мысль человека, и как только человек достигает конечной цели своего путешествия, пространство времени сразу обрывается – и дальнейшее перемещение уже невозможно.

Каждую тысячу миллионов лет Вселенная расширяется, и плотность ее уменьшается. Если сложить массы всех, наблюдаемых с Земли, звезд, то срок жизни Вселенной, а зна-

чит, и Земли, будет расти до ста тысяч раз в каждую тысячу миллионов лет.

Хочу показать тебе темную материю Вселенной, которая способна остановить ее вдох. В моей власти увеличить массу этой материи, если увижу, что новая цивилизация человечества, для которой я передаю эти знания, станет поклоняться рукотворным идолам и отвергнет доброту в своих поступках.

Хочу предупредить тебя, что смерть Вселенной может произойти и без моего ведома. Для этого потребуется десять тысяч миллионов лет, ибо столько времени Вселенная расширяется. Момент начала расширения Вселенной – это взрыв. Смерть жизни Вселенной порождает новую жизнь.

У времени, которым вы определяете течение своей жизни, есть свое начало, а значит, есть точка, источник, из которого время на Земле движется вперед, пока расширяется Вселенная. Время жизни человека движется от рождения к смерти, от Солнца к Земле. И пока это не нарушено человек продолжает стареть. Но вы можете жить и против течения земного времени, против движения лучей Солнца, и такая жизнь не приведет к остановке вдоха, не приведет к старости, не приведет к геенне огненной. Как такое возможно, ты опишешь в своих книгах, но главным условием для продления жизни человеческой является доброта поступков человека. Благое желание – это основа долголетия человека и Вселенной.

Переход человеком в свое прошлое может стать смертельно опасным для всего человечества, и один человек, перей-

дя в свое прошлое, может уничтожить человечество – и не понять этого своим разумом.

Движение жизни человека может идти не только по течению времени, не только против течения времени и света, но и под углом вправо или влево, вверх или вниз. Каждое выбранное направление несет в себе воздействие на разные силы, они могут нести в себе свет новой жизни или ночь смерти, насылая на землю смерчи, цунами, потопа, пожары и засухи. Человек, умея управлять такой силой, станет повелевать катаклизмами на собственной планете, а значит, убивать народы, неугодные одному человеку, мечтать о захвате власти и не считаться с жизнью отдельно взятого человека. Тогда человек погубит всякую жизнь на планете. Земля покроется ли льдом, сгорит ли от пожаров – это уже не будет так важно для человечества, оно погибнет.

Человек – не властелин мироздания, он дитя его, но людей, желающих стать властелинами мира, всегда очень много, а владея знаниями и умением воздействия на божественные силы, человечество уничтожит само себя и погубит жизнь во всей Вселенной. Для достижения своих эгоистических целей человеку не нужно будет что-либо производить и создавать, ему будет достаточно уничтожать.

Но запомни: возжелающий чужого, потеряет свое. Яркий пример – это твоя жизнь до катастрофы и после нее. Ваша семья жила на берегу озера у леса – и была счастлива. В один прекрасный миг изменилась вся ваша жизнь: солнце испепе-

лило лес, уничтожив птиц и зверей, высушило озеро, умертвив рыбу и все живое, обитающее в озере, сожгло землю, превратив ее в раскаленный песок. Теперь там пустыня – и таких мест сегодня на Земле множество. Вы убежали от зноя в земли, покрытые ледяной пустыней, где жизнь погибла в прозрачном и обжигающем морозе. Все смертельные напасти на планету Земля наслал не я, а сам человек, именно он своими поступками и наслал на себя смерть. Выжили в этом аду единицы. И ты, посвященный в тайну катастрофы, становишься Моим доверенным и должен поведать потомкам своим, как они смогут остановить гибель собственной жизни.

Я хочу, чтобы, описав в своих книгах законы жизни, ты смог передать их людям и научить тех жить в гармонии со Вселенной и с самими собой. Золотой век человечества зависит от самого человека, от его желаний, от его мыслей.

Все катастрофы, которые вы пережили на планете, могут привести к черной материи, которая своей силой станет притягивать и уничтожать звезды и планеты Вселенной. Такая черная материя превращается в воронку, поглощающую в себе саму Вселенную и представляющую собой черную дыру. Ничто не сможет вырваться из этой воронки, она создана для уничтожения греховной жизни.

Я могу сделать из любой звезды черную дыру, все, как я говорил, зависит от характера поступков людей. Если люди будут способны уничтожить жизнь ради рукотворного, я до-

веду сжатие планет до нуля и взорву Вселенную, после этого создам новую жизнь. Животворящий взрыв и черная бездна, поглощающая преступные пороки человеческой души; смерть, пожирающая смерть и возрождающая жизнь. Я могу творить жизнь или смерть, и человек, забывший обо мне, просто погибнет: вместе с тем, что успеет создать, вместе с памятью о тех, кто жил и творил на планете Земля до нравственного падения своего, вместе с теми, кто, презрев душу, которую я вложил во все живое, уничтожил свою жизнь и жизнь всех существ планеты. Я не вижу смысла в жизни существ, лишенных совести.

Звезда излучает бесконечно огромную энергию, и она волнами попадает на планеты, вращающиеся вокруг этой звезды. Два миллиона волн света, исходящих от этой звезды, ширятся в пространстве Вселенной, расходясь кругами и неся колоссальную силу. Каждая волна накатывается на планеты, которые эта звезда освещает, и свет этот божественен, он дает возможность зарождения жизни. Волны света, что звезда выплеснула в пространство Вселенной, ударяются о пространство, вызывая всплеск новой волны, направленной против света, против жизни, ибо направлены не от Солнца к Земле, а от Земли к Солнцу.

Волны океана на Земле стремятся к берегу, но стоит оставить челн на воде и не привязать его, как его тут же унесет в открытый океан. Это борьба двух сил: энергии, идущей от Солнца и энергии, идущей к Солнцу; энергии жизни и энер-

гии смерти – кто кого пересилит.

Стремление к углублению знаний толкнет человека на создание механических средств: летающих, плавающих, вгрызающихся в землю и несущихся в космос к неизведанным галактикам, дабы изучить и покорить новые, еще не загаженные человеком планеты. Освоенные планеты и открытые земли будут заселяться рабами, и огромные массы людей начнут сниматься с насиженных мест и пускаться в опасные путешествия к новой жизни в надежде, что эта жизнь будет более радостной, чем прожитая. Такие массовые переселения несут в себе опасность шторма, способного изменить течение времени Вселенной.

Каждое вторжение инородного тела в пределы Вселенной будет вызывать волну, сила которой будет направлена против течения животворящего света, к созданию черной бездны.

И, наконец, война между людьми превращает каждого человека в черную массу, черную бездну и воронку, в которой исчезает добро, и жизнь засасывается смертью.

Заповеди Вседержителя:

Гребень энергетической волны – это созидательная сила мысли, но, когда светит Солнце, всегда появляется тень; впадина волны – это разрушительная сила мысли. И чем глубже впадина, тем сильнее всплеск, тем сильнее подводное течение, тем ощутимее сила притяжения и тем быстрее прекратится вдох Вселенной, тем быстрее наступит смерть.

Как же разрушается жизнь?

Любую материю можно бесконечно дробить на все меньшие и меньшие кусочки, но в конце концов останется частица, неделимый кусочек, он и будет являться основой для новой жизни. Тело человека, распавшись на частицы, умрет, но неделимая, самая ничтожная частица останется живой. Множество этих живых частиц еще не составляют жизнь, они не связаны друг с другом определенным рисунком, представляющим тело или другую материю, которую можно увидеть человеческим глазом. Из этих неделимых частиц Я создаю новое тело или вещество и вдыхаю в нее душу или отказываю ей в этом. Судить о мере добра или зла в прошедшей жизни человека буду только Я, и от моего суда зависит будущее».

И воззвал Владыка Веревеила, одного из архангелов своих, который был мудр и записывал все дела Вседержителя. И сказал Владыка Веревеилу: «Возьми книги из хранилищ, дай Еноху перо – и прочти ему книги». Поспешил Веревеил и принес мне книги, изукрашенные смирной. И дал мне перо из руки своей, и рассказал мне все дела Владыки: о земле, о море, о движении всех планет и жизни их, о смене лет и движении дней, о земных заповедях и наставлениях, о сладкогласном пении, о входах облаков и исходах ветра, о погибшем народе среди льда и о всяком народе, и о новой песне вооруженного воинства небесного – все, что следует узнать, поведал мне Веревеил. Тридцать дней и тридцать ночей говорили уста его, не умолкая. И я не спал тридцать дней и тридцать ночей, записывая все свидетельства. Когда же за-

кончил, то сказал мне Веревил: «Сядь, напиши то, что я поведал тебе». Я же, просидев еще тридцать дней и тридцать ночей, подробно записал все и исписал 360 книг.

И затем призвал меня Владыка, и поставил меня слева от себя рядом с Амаросом, Кокабелом, Астрадамом, Баркалом, Томелом и Амезараком, я же поклонился Владыке. И сказал мне Вседержитель: «Все, что ты видел и слышал, Енох, неподвижное и движущееся, сотворено мной, и я о том возвещу тебе. И вот то, что я рассказал тебе ныне, и то, что ты видел на небесах, и то, что видел на земле, и то, что ты написал в книгах, – все это я создал премудростью своей и сотворил от нижнего основания до высшего. И до скончания их нет мне ни советника, ни помощника. Сам я – вечен и нерукотворен. Неизменная мысль моя – советник мой, и слово мое – дело есть, и очи мои следят за всем. Охвати, Енох, сказанное умом своим, и возьми книги, которые ты написал, и передай знания, что в книгах тех записаны, людям, пусть останутся в мире людей эти книги, и пусть освещают они путь человека во тьме его неокрепшего разума, губящего его алчностью и невежеством.

И передай книги, написанные тобой, детям и детям детей своих, и дай наставления близким, и пусть передаются книги из рода в род, дабы хранили их и умели повелевать временным, дабы сохранили они рукописание отцов твоих, и не погибло оно в грядущий потоп, который я сотворю в роде твоём. Ибо знаю пагубность человеческую: не вынесут бремени,

которое я возложил на них, и не будут сеять семя, которое я дал им, но отвергнут бремя, возложенное мной, и иное бремя примут, и посеют семена пустошные, и поклонятся богам суетным, и отринут единовластие мое, и вся земля согрешит неправдами, оскорблениями, прелюбодеянием и идолослужением.

Не дам я погубить Вселенную и не буду ждать, пока человек, нарушив законы Вселенной, погубит Землю и себя самого. Я потоп наведу на землю, и земля сама сокрушится в грязь великую. И оставлю мужа праведного из рода твоего, со всем домом его, который делал все по воле моей. И от семени его поднимется род последний, многочисленный и не пресыщенный. И когда взойдет род тот, явятся книги, написанные тобой и твоими учителями, поскольку стражи земные покажут их мужам верным, и будут те книги рассказаны роду тому и будут почитаемы впоследствии более, чем в первый раз.

Ныне же, Енох, даю тебе срок ожидания тридцать дней, чтобы побывал ты в доме твоём и поведал обо всем сыновьям твоим и домочадцам твоим от лица моего. Всякий, кто блюдет сердце свое, да прочтет книги твои и уразумеет, что нет никого, кроме меня. И спустя тысячу лет я пошлю ангелов за тобой, и возьмут тебя ко мне с земли, от сыновей твоих; возьмут тебя ко мне, ибо уготовано тебе место, и ты будешь перед лицом моим отныне и вечно. И будешь видеть тайны мои, и будешь книжником над детьми моими, ибо все

люди – это дети мои, и будешь записывать все дела земные и об обитающих на земле и на небесах, и будешь свидетелем моим во время Суда Великого».

Все это говорил мне Владыка, как говорит учитель ученику своему.

Глаза мои видели; от начала и до конца, и от окончания до нового обращения все я узнал. И записал в книгах обо всем, наполняющем небеса до краев их, и измерил путь их, и воинство их узнал, и записал звезд многое множество бесчисленное. Кто из людей знает о круговом движении их, пути их и обращении их, или о тех, кто ведет их, и каким образом они ведомы? И ангелы не знают числа их. Я же имена их записал.

И солнечный круг я измерил, и лучи сосчитал, и весь путь его, с входами и выходами его, и названия их написал. И лунный круг я измерил, и движение луны во все дни исчислил, и свет ее на всякий день и час, и в книгах имена ее записал. И жилища облаков, и порядок движения их, и крылья их, и дождь их, и капли дождя из них я исследовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.